

ГАРРИ ПОТТЕР

полная коллекция

ДЖ.К. РОУЛИНГ

Джоан Кэтлин Роулинг

Гарри Поттер. Полная коллекция

«Pottermore limited»

1997-2007

Роулинг Д.

Гарри Поттер. Полная коллекция / Д. Роулинг —
«Pottermore limited», 1997-2007

ISBN 978-1-78110-384-5

Все семь электронных книг из серии о Гарри Поттере — которая стала международным бестселлером и отмечена множеством наград — с изумительными иллюстрациями Олли Мосс на обложках можно загрузить в виде одного пакета. Окунитесь в историю, которая захватила воображение миллионов людей по всему миру.

ISBN 978-1-78110-384-5

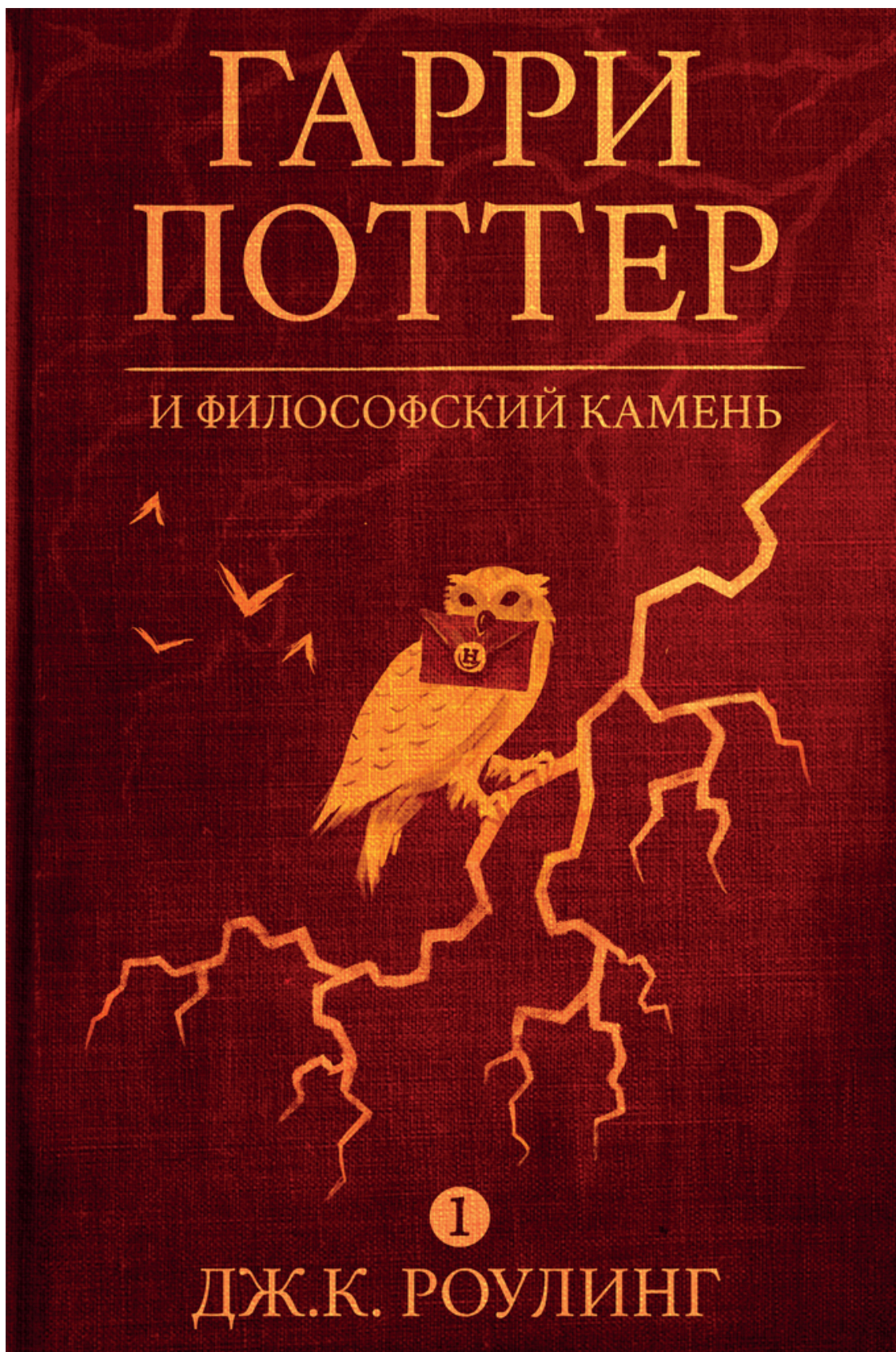
© Роулинг Д., 1997-2007
© Pottermore limited, 1997-2007

Содержание

Гарри Поттер и философский камень	5
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	21
Глава четвертая	28
Глава пятая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дж.К. Роулинг
Гарри Поттер
Полная коллекция

Гарри Поттер и философский камень

Посвящается Джессике, которая любит сказки, и Энн, которая тоже их любит, а еще – Ди, которая первой услышала эту историю

Глава первая

Мальчик, который остался жив

Мистер и миссис Дурслей, из дома № 4 по Бирючинной улице, гордились тем, что они, спасибо преогромное, люди абсолютно нормальные. Трудно было вообразить, что они окажутся замешаны в делах необычных или загадочных – они не признавали всякой там чепухи.

Мистер Дурслей работал директором фирмы «Груннингс», которая выпускала сверла. Он был большой, грузный мужчина почти без шеи, зато невероятно уса́тый. Миссис Дурслей, тощая блондинка, обладала шеей удвоенной длины – и очень кстати, ибо эта леди часто и подолгу шпионила через забор за соседями. У Дурслеев имелся сынок по имени Дудли – и, по мнению родителей, на свет еще не рождался ребенок прекрасней.

У Дурслеев было все, чего можно пожелать, но не только; еще они хранили страшную тайну – и смертельно боялись, как бы кто-нибудь ее не раскрыл. Они бы, наверное, не пережили, если б кто-то узнал про Поттеров. Миссис Поттер доводилась миссис Дурслей родной сестрой, но они много лет не общались, и, правду говоря, миссис Дурслей помалкивала о сестричке, словно той и нет вовсе: ведь что она, что ее никчемный муженек – это же просто уму непостижимо! Чету Дурслеев в дрожь бросало при мысли о том, что скажут соседи, объявись Поттеры на их улице. Дурслеи знали, что у Поттеров тоже есть сын, но никогда его не видели. Из-за сына от Поттеров следовало держаться еще дальше – не хватало, чтобы Дудли водился с такими детьми.

Когда мистер и миссис Дурслей проснулись скучным и серым утром во вторник – с которого и начинается наша история, – ничто в пасмурном небе за окном не предвещало грядущих загадок и тайн. Мистер Дурслей гудел что-то себе под нос, выбирая на работу галстук поскучнее, а миссис Дурслей весело сплетничала, запихивая орущего Дудли в высокий детский стульчик.

Никто не заметил большой серой совы, пролетевшей за окном.

В половине девятого мистер Дурслей взял портфель, клюнул миссис Дурслей в щеку и попытался клюнуть на прощание и сына, но промахнулся, ибо тот расскандалился и всюю расшвыривал овсянку по стенам.

– Лапуля моя, – курлыкнул мистер Дурслей и шагнул за порог. Он сел в машину и задним ходом вырулил на Бирючинную улицу.

Нечто странное он впервые заметил на перекрестке – там кошка изучала карту. Он сначала даже не понял, что это было, – но потом резко обернулся. На углу Бирючинной улицы действительно стояла полосатая кошка, но без карты. Прибредится же... Наверное, игра света. Мистер Дурслей моргнул и воззрился на кошку. Кошка воззрилась на него. Он уже выехал на главную дорогу, но следил за кошкой в зеркальце заднего вида. Та читала на указателе название улицы – то есть нет, она *смотрела* на указатель, кошки не умеют читать *ни* карты, *ни* указатели. Мистер Дурслей встряхнулся и решительно выкинул кошку из головы. И всю дорогу до города думал единственно о крупном заказе на сверла, который рассчитывал нынче получить.

Однако на подъезде к городу кое-что заставило мистера Дурслея позабыть и о сверлах. Стоя в ежедневной утренней пробке, он поневоле заметил, что кругом полно странно одетых людей. Людей в мантиях! Мистер Дурслей терпеть не мог вызывающей одежды – чего только на себя не напяливает нынешняя молодежь! Видно, мантия – последний писк какой-то кретинской моды. Он забарабанил пальцами по рулю, и взгляд его случайно остановился на кучке придурков, сгрудившихся совсем рядом. Те оживленно шептались, и мистер Дурслей с возмущением разглядел, что двое-трое в компании отнюдь не молоды! Наоборот, вон

тот дед старше мистера Дурслея, а вырядился в изумрудно-зеленую мантию. Ни стыда ни совести! Но тут до мистера Дурслея дошло, что это какая-то хитрая уловка: видимо, сбор пожертвований... Да, наверняка. Машины наконец поехали, и через пару минут мистер Дурслей, весь в мыслях о сверлах, подкатил к стоянке «Груннингса».

В своем кабинете на девятом этаже мистер Дурслей всегда сидел спиной к окну. Иначе тем утром ему было бы трудно сосредоточиться на работе. Он не видел, как мимо его окна одна за другой проносятся совы, – зато прохожие на улице видели; они раскрывали рты и тыкали вверх пальцами. Подумать, середь бела дня! Почти никому и ночью-то этих птиц видеть не доводилось. Рабочее утро мистера Дурслея между тем шло своим чередом, бессовно. Он наорал на пятерых подчиненных. Сделал несколько важных телефонных звонков. Поорал еще. А в обед, крайне довольный собой, решил выйти на улицу размяться и заодно купить булочку.

Он и не вспомнил бы про людей в мантиях, если бы возле булочной не наткнулся на новое сборище. Проходя мимо, мистер Дурслей гневно зыркнул на идиотов: они его почему-то нервировали. Компания, как и та, утренняя, о чем-то возбужденно шепталась – и, кстати, жестянок для пожертвований мистер Дурслей у них не приметил.

На обратном пути, сжимая в руке пакет с большим пончиком, он случайно услышал обрывки их разговора:

– Поттеры, все верно, именно так я и слышал...

– ...да-да, их сын, Гарри...

Мистер Дурслей замер. Его обуял страх. Он оглянулся и хотел было что-то сказать, но передумал.

Он помчался назад в контору, добежал до кабинета, рывкнул секретарше: «Не беспокоить!» – и почти уже набрал свой домашний номер, но вдруг остановился. Положил трубку, задумчиво погладил усы... Нет, это глупо. Поттер – не такая уж редкая фамилия. Наверняка существует масса людей по фамилии Поттер, у которых есть сын Гарри. Да и, если на то пошло, он не уверен, что племянника зовут Гарри. Он ни разу даже не видел мальчишку. Может, тот – Гаррет. Или Гарольд. К чему зря тревожить миссис Дурслей; чуть вспомнишь о ее сестре, бедняжка всегда расстраивается. Оно и понятно: если бы у *него* была такая сестра... Но все равно, эти мантии...

После обеда о сверлах думалось плохо, и, покидая контору в пять, взволнованный мистер Дурслей едва не сбил с ног прохожего.

– Извиняюсь, – буркнул он, не глядя на крохотного человечка, который споткнулся и чуть не упал. Мистер Дурслей не сразу осознал, что человечек одет в фиолетовую мантию.

При этом, чудом избежав падения, недомерок нисколько не огорчился. Напротив, весь просиял и воскликнул до того скрипуче, что на него обернулись прохожие:

– Не извиняйтесь, не извиняйтесь, дорогой сэр, ибо сегодня ничто не омрачит моего счастья! Возрадуйтесь: Сами-Знаете-Кто наконец сгинул! Сегодня даже у вас, муглов, должен быть великий, великий праздник!

Старичок приобнял мистера Дурслея за талию – и унесся прочь.

Мистер Дурслей прирос к асфальту. Его только что обнял совершенно незнакомый человек. И еще его, кажется, обозвали муглом – что бы это ни означало. Мистер Дурслей в изрядном замешательстве поспешил к машине и скорее поехал домой, очень надеясь, что у него попросту разыгралось воображение. Никогда еще он не надеялся на подобное раньше, ибо не одобрял воображения как такового.

Подъезжая к дому, он сразу увидел – и настроение его не улучшилось – давешнюю полосатую кошку. Та сидела на ограде у его собственного дома. Наверняка та же самая: точно те же отметины вокруг глаз.

– Брысь! – громко сказал мистер Дурслей.

Кошка не шелохнулась. Лишь строго на него посмотрела. «Это что, нормально для кошки?» – нервно подумал мистер Дурслей, но постарался взять себя в руки и вошел в дом. Он был твердо настроен не впутывать в это дело жену.

Миссис Дурслей провела день совершенно нормально. За ужином она подробнее рассказала мистеру Дурслею о непослушной дочери миссис Пососедству и о том, что Дудли освоил новое выражение («Не хочу»). Мистер Дурслей старался вести себя как обычно. Когда Дудли наконец водворили в постель, мистер Дурслей отправился в гостиную к телевизору, как раз под конец выпуска новостей, и услышал:

– И последнее. Наблюдатели со всех концов страны сообщают, что сегодня совы вели себя весьма необычно. Эти птицы охотятся по ночам и практически никогда не выходят при дневном свете, однако сегодня были отмечены сотни случаев их появления. С самого рассвета совы так и сновали вокруг. Эксперты пока не находят разумного объяснения, отчего это совам вдруг вздумалось стать жаворонками... – Диктор позволил себе улыбнуться. – Крайне загадочно... Ну, а сейчас Джим Макгаффин с прогнозом погоды. Что, будут у нас вечером совапады, Джим?

– Об этом, Тед, – ответил метеоролог, – мне ничего не известно, однако сегодня не одни только совы вели себя неестественно. Телезрители Кента, Йоркшира, Данди – отовсюду – целый день звонили и сообщали, что вместо ливня, который я обещал вчера, у них прошел метеоритный дождь! Похоже, народ уже начал праздновать Ночь Гая Фокса. Рановато, друзья, она лишь на следующей неделе... Но, кстати, сегодня ночью дождь я гарантирую.

Мистер Дурслей так и застыл в кресле. Метеоритные дожди по всей Британии? Совы среди бела дня? Станные люди в мантиях? И еще этот шепоток – шепоток про Поттеров...

Миссис Дурслей вошла в гостиную с двумя чашками чая. Нет, так не годится. Надо ей рассказать. Он прокашлялся.

– Э-э-э... Петуния, дорогая... к слову... про сестру твою ничего не слышно?

Как он и ожидал, миссис Дурслей разволновалась и рассердилась. Ведь у них было принято делать вид, что никакой сестры не существует.

– Нет, – резко ответила она. – А что?

– Да тут всякую ерунду передают в новостях, – проямлил мистер Дурслей. – Совы... метеоритный дождь... а еще в городе полно чудных людей...

– И что? – перебила миссис Дурслей.

– Ну, я подумал... а вдруг... вдруг это как-то связано с... ну, ты понимаешь... с ее гоп-компанией.

Миссис Дурслей, поджав губы, тянула из чашки чай. Мистер Дурслей колебался: говорить или нет, что сегодня на улице он слышал имя Поттеров? Нет, пожалуй, он не осмелится. И он спросил как можно равнодушнее:

– А их сын... Он ведь по возрасту примерно как наш Дудли?

– Вроде бы, – процедила миссис Дурслей.

– А как там его? Говард?

– Гарри. Отвратное, простонародное имя!

– Да-да, – сказал мистер Дурслей. У него прямо-таки оборвалось сердце. – Абсолютно с тобой согласен.

Больше он ничего не сказал, и супруги отправились спать. Пока миссис Дурслей умывалась, мистер Дурслей на цыпочках подкрался к окну и выглянул в сад. Кошка по-прежнему сидела на ограде. Она внимательно смотрела на Бирючинную улицу и словно чего-то ждала.

Все-таки у него разыгралось воображение. Неужели и это связано с Поттерами? И если так... Если выплыло, что Дурслеи в родстве с... Нет, такого он просто не вынесет.

Супруги легли в постель. Миссис Дурслей уснула немедленно, а мистер Дурслей лежал и думал, думал. Впрочем, перед отходом ко сну одна мысль его успокоила: даже если Пот-

теры и причастны к происходящему, он и миссис Дурслей здесь ни при чем. Поттерам прекрасно известно, что он и Петуния их не жалуют... Не хватало еще вляпаться в какую-нибудь историю, если есть куда вляпываться, конечно. Он зевнул и перевернулся на бок. Они тут совершенно ни при чем...

Как же он ошибался!

Мистер Дурслей погружался в беспокойный сон, а кошка на садовой ограде даже не зевнула ни разу. Она сидела неподвижно, как статуя, и неотрывно следила за дальним въездом на Бирючинную улицу. Кошка не шелохнулась, ни когда на соседней улице хлопнула дверца машины, ни когда мимо пролетели две совы. Впервые кошка пошевелилась лишь около полуночи.

На углу, за которым она наблюдала, появился человек – так неожиданно, будто выскочил из-под земли. Кошка повела хвостом и сузила глаза.

Подобного человека Бирючинная улица еще не видывала. Он был высок, худ и очень стар, судя по серебристым волосам и бороде, до того длинным, что хоть затыкай за пояс. Одет он был в длинную мантию и ниспадавший до земли пурпурный плащ, а обут в башмаки с пряжками и на высоких каблуках. Голубые глаза ярко искрились под очками со стеклами-полумесяцами, а длинный нос был до того крючковат, будто его минимум дважды ломали. Звали этого человека Альбус Думбльдор.

Он, по всей видимости, не сознавал, что все в нем, от имени до башмаков, неприемлемо для обитателей Бирючинной улицы. Он озабоченно рылся в складках плаща и что-то искал. Но все же почувствовал, что за ним наблюдают, – и неожиданно вскинул взгляд на кошку, по-прежнему пристально смотревшую с другого конца улицы. Непонятно почему кошка позабавила его. Думбльдор хмыкнул и пробормотал:

– И как это я не догадался?

Он нашел во внутреннем кармане то, что искал: нечто вроде серебряной зажигалки. Открыл, поднял, щелкнул. Ближайший уличный фонарь, тихо чпокнув, потух. Думбльдор снова щелкнул – и следующий фонарь, поморгав, погас. Двенадцать раз щелкал мракёр, и наконец на всей улице осталось лишь два далеких огонька – кошкины глаза, светившиеся в темноте. Никто, даже остроглазая миссис Дурслей, выгляни она сейчас на улицу, ничего бы не разглядел. Думбльдор сунул мракёр обратно под плащ и зашагал к дому № 4. Там он сел на ограду рядом с кошкой и, не оборачиваясь, сказал:

– Вот так встреча, профессор Макгонаголл.

Он хотел было улыбнуться полосатой кошке, но та исчезла. Вместо нее Думбльдор улыбался женщине довольно строгого вида, в квадратных очках той же формы, что и отметины вокруг кошкиных глаз. Женщина – тоже в плаще, но изумрудном, и с черными волосами, стянутыми на затылке в тугий пучок, – была явно на взводе.

– Как вы догадались, что это я? – спросила она.

– Моя дорогая, я ни разу не видел, чтобы настоящие кошки так каменели.

– Окаменеешь за целый день на холодном кирпиче, – ворчливо отозвалась профессор Макгонаголл.

– За целый день? Вместо того чтобы праздновать? По дороге сюда я видел по меньшей мере десятков пиршеств.

Профессор Макгонаголл недовольно фыркнула.

– О, конечно, все празднуют, – бросила она недовольно. – Казалось бы, надо поосторожней, так нет, даже муглы что-то заметили. Это было у них в новостях. – Она кивнула на дом Дурслеев и темное окно гостиной. – Я слышала. Стаи сов... метеоритный дождь... А что вы хотите, они же не дураки. Не могли не заметить. Метеоритный дождь в Кенте! Голову даю на отсечение, это фокусы Дедала Диггла. Никогда не отличался здравым смыслом.

– Ну-ну, не сердитесь, – мягко укорил Думбльдор. – За последние одиннадцать лет нам до обидного редко приходилось радоваться.

– Знаю, – раздраженно ответила профессор Макгонаголл. – Но это не повод терять голову. Все развеселились как дети! Разгуливают среди бела дня по улицам, даже не потрудившись одеться как муглы, и шушукаются о *таких* вещах!

Она пронзительно посмотрела на Думбльдора, словно надеясь что-то от него услышать, но он молчал, и она продолжила:

– Очень было бы интересно: Сами-Знаете-Кто сгинул, и тут как раз муглы узнают о нас!.. Он ведь и правда *сгинул*, да?

– Очень на то похоже, – ответил Думбльдор. – Так что у нас есть повод. Хотите лимончик?

– *Что?*

– Лимончик. Это такая мугловая карамелька, мне они очень нравятся.

– Нет, спасибо, – произнесла профессор Макгонаголл неодобрительно: до карамелек ли? – Так вот, хотя Сами-Знаете-Кто сгинул...

– Моя дорогая, вы же разумный человек и конечно же можете называть его по имени! А то – «Сами-Знаете-Кто»... Глупости! Одиннадцать лет добиваюсь, чтобы его называли настоящим именем: Вольдеморт.

Профессор Макгонаголл вздрогнула, но Думбльдор как раз отлеплял одну карамельку от другой и ничего не заметил.

– Все только запутывается от этого «Сами-Знаете-Кто». Не понимаю, почему все боятся произносить имя Вольдеморта.

– Вы-то не понимаете, – сказала профессор Макгонаголл с досадой и восхищением, – да только вы – не все. Известно ведь, что Сами-Знаете... Ну хорошо, что *Вольдеморт* вас одного и боится.

– Вы мне льстите, – спокойно ответил Думбльдор. – Вольдеморт умеет такое, до чего мне никогда...

– До чего вы никогда не опуститесь.

– Хорошо, что сейчас темно. Я так не краснел с тех пор, как мадам Помфри похвалила мои новые меховые наушники.

Профессор Макгонаголл пронзила Думбльдора острым взглядом:

– Совы – ерунда, пусть себе носятся. Но вот слухи... Слышали, о чем все говорят? Почему он сгинул? И что его в конце концов остановило?

Было видно, что именно это волнует ее больше всего. Из-за этого она целый день просидела на холодной каменной ограде – ни в обличии кошки, ни после она еще не смотрела на Думбльдора так пристально. Что бы ни говорили «все», она ничему не поверит, пока этого не подтвердит Думбльдор. Тот между тем выбирал новую карамельку – и не ответил.

– *Говорят*, – не сдавалась профессор Макгонаголл, – что прошлой ночью Вольдеморт объявился в Годриковой лошине. Пришел за Поттерами. И по слухам, Лили и Джеймс Поттеры... Лили и Джеймс... *погибли*.

Думбльдор склонил голову. Профессор Макгонаголл охнула.

– Лили и Джеймс... не могу верить... не хотела верить... Как же так, Альбус...

Думбльдор похлопал ее по плечу.

– Ну-ну... ничего... – мрачно произнес он.

Профессор Макгонаголл продолжала, и голос ее дрожал:

– Это еще не все. Говорят, он пытался убить сына Поттеров, Гарри. Но – не смог. Не сумел убить маленького мальчика. Никто не знает, как и почему, но, говорят, когда ему не удалось убить Гарри, он вдруг словно бы потерял силу – и исчез.

Думбльдор хмуро кивнул.

– Это... правда? – Профессор Макгонаголл даже запнулась. – После всего, что он сделал... столько погубил... не сумел убить ребенка? Поразительно... Чтобы именно это его остановило?.. Но как, во имя неба, Гарри выжил?

– Остается только гадать, – отозвался Думбльдор. – Может, никогда и не узнаем.

Профессор Макгонаголл достала кружевной платочек и промокнула глаза под очками. Думбльдор громко шмыгнул носом, вытащил из кармана золотые часы и сверился с ними. То были очень странные часы: двенадцать стрелок и никаких цифр на циферблате; вместо цифр по кругу двигались маленькие планеты. Тем не менее Думбльдору они, видимо, говорили о многом, потому что вскоре он убрал часы в карман и промолвил:

– Огрид запаздывает. Это ведь он вам сказал, что я буду здесь?

– Да, – ответила профессор Макгонаголл, – и, я думаю, вы вряд ли объясните, почему именно здесь?

– Я собираюсь отдать Гарри его дяде и тете. Других родственников у него не осталось.

– Что? Людям из этого дома? – вскричала профессор Макгонаголл, вскакивая с ограды и тыча пальцем в дом № 4. – Думбльдор, как же можно! Я наблюдала за ними весь день... Они – полная наша противоположность. А их сын!.. Видели бы вы, как он орал и пинал мать ногами на улице – конфет требовал! И чтобы Гарри Поттер жил с ними?..

– Здесь ему будет лучше всего, – твердо сказал Думбльдор. – Его дядя и тетя все ему объяснят, когда он немного подрастет. Я написал им письмо.

– Письмо? – слабым голосом переспросила профессор Макгонаголл, вновь опускаясь на ограду. – Думбльдор, вы и правда полагаете, что все это можно растолковать в письме? Таким людям его никогда не понять! Он будет знаменит – станет легендой – не удивлюсь, если в будущем сегодняшний день назовут Днем Гарри Поттера, – о нем напишут книги – его имя будет известно каждому ребенку!

– Именно. – Думбльдор серьезно поглядел на нее поверх очков. – И это любому вскружит голову. Еще ходить не умеешь, а уже знаменитость! Причем из-за того, о чем сам не помнишь! Разве вы не понимаете, насколько лучше, если он вырастет вдали от шумихи и узнает правду, лишь когда сможет сам во всем разобраться?

Профессор Макгонаголл хотела возразить, но передумала. Сглотнув, она сказала:

– Да-да, конечно, вы правы. Но как мальчик попадет сюда?

Она подозрительно оглядела плащ Думбльдора: не скрывается ли в складках ребенок?

– Огрид привезет.

– Полагаете, это... разумно – доверять столь важное дело Огриду?

– Я бы доверил ему свою жизнь, – ответил Думбльдор.

– Нет, он, конечно, человек добрый, хороший, – неохотно пояснила профессор Макгонаголл, – но, согласитесь, уж очень безалаберный. И его всегда так и тянет... Это еще что такое?

Низкий рокот взорвал тишину улицы. Думбльдор и профессор Макгонаголл заозирались, не понимая, откуда он приближается, и ожидая увидеть свет фар. Скоро рокот сделался оглушительным; они подняли головы к небу – и прямо оттуда на дорогу свалился огромный мотоцикл.

Мотоцикл был огромен, но казался крошечным под своим седоком, человеком раза в два выше и по крайней мере раз в пять толще обычного. Он был как-то непозволительно громаден и казался диким – кустистые черные лохмы и косматая борода, под которыми почти не видно лица, лапищи размером с крышку мусорного бака, ноги в кожаных сапогах, похожие на дельфинят-подростков. В громадных мускулистых руках гигант держал сверток из одеял.

– Огрид, – с облегчением сказал Думбльдор. – Наконец-то. Где ты взял мотоцикл?

– Позаимствовал, профессор Думбльдор, сэр, – ответил гигант, осторожно слезая с седла. – У юного Сириуса Блэка.

– По дороге никаких неприятностей?

– Нет, сэр. Дом раздолбало, но мальчика удалось вытащить, пока муглы не понабежали.

Он уснул над Бристолем.

Думбльдор и профессор Макгонаголл склонились над свертком. Внутри, еле видимый, спал младенец. Под угольно-черной челкой на лбу виднелся порез необычной формы – совсем как зигзаг молнии.

– Значит, сюда... – прошептала профессор Макгонаголл.

– Да, – отозвался Думбльдор. – Шрам останется на всю жизнь.

– А нельзя что-нибудь с этим сделать, Думбльдор?

– Даже если б и можно, я бы не стал. Шрамы бывают полезны. У меня, например, шрам над левым коленом – в точности схема лондонской подземки... Что же, давай ребенка сюда, Огрид. Дело есть дело.

Думбльдор взял Гарри на руки и повернулся к дому Дурслеев.

– А можно... можно с ним попрощаться, сэр? – попросил Огрид. Он склонил большую лохматую голову над Гарри и поцеловал малыша. Поцелуй, вероятно, был очень колкий. После этого Огрид вдруг завыл раненым псом.

– Ш-ш-ш! – зашипела профессор Макгонаголл. – Разбудишь муглов!

– И-и-извиняюсь, – всхлипнул Огрид. Он извлек откуда-то громадный крапчатый носовой платок и спрятал в нем физиономию. – Но я не могу-у-у! Лили с Джеймсом померли... А малыша Гарри отправляют к муглам...

– Да, да, это очень грустно, но ты уж возьми себя в руки, Огрид, не то нас заметят, – зашептала профессор Макгонаголл, осторожно похлопывая Огрида по руке.

Думбльдор меж тем перешагнул низенькую садовую ограду и направился к двери. Аккуратно положил Гарри на порог, достал из-под плаща письмо, сунул его в одеяльце и вернулся к своим. С минуту все молча глядели на крошечный сверток. Плечи Огрида вздрагивали, профессор Макгонаголл отчаянно моргала, а свет, обычно струившийся из глаз Думбльдора, как будто потух.

– Что ж, – сказал наконец Думбльдор. – Вот и все. Здесь нам больше делать нечего. Идемте праздновать?

– Ага. – Огрид еле мог говорить. – Мне еще надо байк Сириусу оттащить. Д’зданья, профессор Макгонаголл... профессор Думбльдор, сэр.

Утирая ручки слез рукавом куртки, Огрид оседлал мотоцикл и пнул стартер; машина с ревом взвилась в воздух и скрылась в ночи.

– Надеюсь, скоро увидимся, профессор Макгонаголл, – кивнул Думбльдор. В ответ профессор Макгонаголл высморкалась в платочек.

Думбльдор развернулся и пошел прочь по улице. На углу он остановился и вытащил серебристый мракёр. Щелкнул всего раз, и двенадцать световых шаров мгновенно вкатились в уличные фонари. Вся Бирючинная улица вдруг засветилась оранжевым, и стало видно, как вдали за угол скользнула полосатая кошка. На пороге дома № 4 едва виднелся маленький сверток.

– Удачи тебе, Гарри, – пробормотал Думбльдор, развернулся на каблуках, шелестнув плащом, и исчез.

Легкий ветерок шевелил аккуратно подстриженные кустики Бирючинной улицы, тихой и опрятной под чернильными небесами. Где угодно, только не здесь можно было ждать загадочных и удивительных дел. Гарри Поттер в одеяле повернулся на другой бок, но не проснулся. В пальчиках он сжимал письмо и спал крепко, не подозревая, что он особенный, что он знаменитый, не ведая, что через несколько часов ему предстоит проснуться от воплей миссис Дурслей, которая выйдет на крыльцо с бутылками для молочника, и что следующие несколько недель его будет беспрерывно пихать и щипать двоюродный братец Дудли... Он

не знал, что в это самое время люди по всей стране, собравшись на тайные празднества, поднимают бокалы и приглушенно восклицают: «За Гарри Поттера – мальчика, который остался жив!»

Глава вторая

Исчезнувшее стекло

Почти десять лет минуло с тех пор, как супруги Дурслей проснулись утром и нашли на крыльце собственного дома своего племянника, но Бирючинная улица осталась прежней. Солнце, встав, освещало все те же аккуратные садики, зажигало латунным светом табличку с номером четыре на двери дурслеевского дома и прокрадывалось в гостиную, очень мало переменившуюся с тех пор, как мистер Дурслей увидел по телевизору судьбоносные новости о совах. Лишь фотографии на каминной полке показывали, сколько воды утекло. Десять лет назад тут теснились снимки розового пляжного мячика в разноцветных чепчиках – но теперь Дудли Дурслей был далеко не младенец. С фотографий глядел упитанный светлоголовый мальчик: вот он впервые сел на велосипед, вот катается на карусели, играет с папой за компьютером, вот его обнимает и целует мама... И нигде – ни намека на то, что в доме живет еще один мальчик.

Гарри Поттер, однако, жил здесь до сих пор – и сейчас спал, хотя спать ему оставалось недолго. Тетя Петуния уже поднялась, и именно ее голос возвестил для Гарри наступление дня:

– Подъем! Вставай! Быстро!

Гарри так и подскочил в постели. Тетя забарабанила в дверь.

– Подъем! – верещала она.

Гарри услышал, как она прошла на кухню и брякнула сковородкой о плиту. Он перекатился на спину и попробовал вспомнить свой сон. Хороший такой сон. Будто бы он летал на мотоцикле. Кажется, прежде ему такое уже снилось.

Тетя снова оказалась за дверью.

– Ну что, встал? – грозно прокричала она.

– Почти, – отозвался Гарри.

– Шевелись! Надо приглядеть за беконом. Пригорит – убью! В день рождения Дудли все должно быть идеально.

Гарри застонал.

– Что? – рявкнула тетя Петуния из-за двери.

– Ничего, ничего.

У Дудли день рождения – как это он забыл? Гарри сонно вывалился из постели и стал искать носки. Те оказались под кроватью, и Гарри надел их, сначала вытряхнув паука. Пауков он не боялся, привык: в чулане под лестницей их водилась тьма-тьмущая, а как раз в чулане Гарри и спал.

Одевшись, он пошел через холл на кухню. Стола практически не было видно под коробками и свертками. Похоже, Дудли, как и хотел, получил в подарок и новый компьютер, и второй телевизор, и гоночный велосипед. Зачем ему гоночный велосипед, оставалось для Гарри загадкой: толстяк Дудли терпеть не мог шевелиться – разве лишь затем, чтобы кому-нибудь вмазать. Боксерской грушей чаще всего служил Гарри – если, конечно, его удавалось поймать. По виду не скажешь, но бегал Гарри очень быстро.

Возможно, из-за жизни в темном чулане Гарри был маловат и щупловат для своего возраста. А выглядел еще мельче и худее, поскольку всегда донашивал старую одежду за Дудли, большим и толстым, крупнее Гарри раза в четыре. У Гарри было худое лицо, острые коленки, черные волосы и ярко-зеленые глаза. Он носил круглые очки, перемотанные посередине скотчем – оправа часто ломалась, потому что Дудли то и дело бил Гарри по носу. В собственной внешности Гарри нравился один лишь тонкий шрам на лбу – в виде зигзага

молнии. Шрам у него был, сколько он себя помнил, и, едва научившись говорить, Гарри первым делом спросил тетю Петунью, откуда тот взялся.

– Это из-за аварии, в которой погибли твои родители, – ответила тетя Петунья. – И не задавай дурацких вопросов.

Не задавай дурацких вопросов – первое правило спокойной жизни дома Дурслеев.

Дядя Вернон вошел в кухню, когда Гарри переворачивал бекон. – Причешись! – рявкнул дядя вместо утреннего приветствия.

Примерно раз в неделю дядя Вернон взглядывал на Гарри поверх газеты и кричал, что мальчишке надо подстричься. Гарри стригли, наверное, чаще, чем всех остальных мальчиков в классе, вместе взятых, но толку не было никакого, ибо так у него росли волосы – во все стороны.

Когда на кухню в сопровождении мамы явился Дудли, Гарри уже бросил на сковородку яйца. Дудли был очень похож на дядю Вернона: такое же крупное розовое лицо, отсутствие шеи, те же водянистые голубые глазки и густые светлые волосы, ровной шапкой облеплявшие большую толстую голову. Тетя Петунья называла Дудли ангелочком – Гарри звал его «шпиг надел парик».

Гарри расставил тарелки с яичницей, что оказалось непросто; на столе почти не было места. Дудли тем временем подсчитал подарки. Лицо его помрачнело.

– Тридцать шесть, – сказал он, поглядев на родителей. – На два меньше, чем в прошлом году.

– Котинька, ты забыл посчитать подарочек от тети Марджи, видишь, вот он, под большой коробочкой от мамули с папулей.

– Ну хорошо, тридцать семь. – Дудли побагровел.

Сообразив, что грядет истерика, Гарри стал торопливо глотать бекон, а то как бы Дудли не перевернул стол.

Тетя Петунья, очевидно, тоже почуяла опасность и затараторила: – И мы купим тебе еще *два* подарка, когда пойдем гулять, да? Как тебе такое, пончик? Еще *два* подарочка. Хорошо?

Дудли задумался. Что для него явно было непросто. И наконец медленно выговорил:

– Так что у меня будет тридцать... тридцать...

– Тридцать девять, конфеточка, – подсказала тетя Петунья.

– Ага. – Дудли плюхнулся на стул и схватил ближайший сверток. – Тогда ладно.

Дядя Вернон одобрительно хмыкнул:

– Медвежоночек знает себе цену – весь в папу. Молодчина, Дудли! – и взъерошил сыну волосы.

Зазвонил телефон. Тетя Петунья пошла ответить, а Гарри и дядя Вернон наблюдали, как Дудли распаковывает гоночный велосипед, видеокамеру, самолет с дистанционным управлением, шестнадцать новых компьютерных игр и видеомагнитофон. Он уже срывал обертку с золотых наручных часов, когда вернулась тетя Петунья, сердитая и озабоченная.

– Плохие новости, Вернон, – объявила она. – Миссис Фигг сломала ногу и не сможет с ним посидеть. – Тетя Петунья мотнула головой в сторону Гарри.

Дудли в ужасе разинул рот, зато сердце Гарри всколыхнулось от радости. Каждый год в день рождения родители устраивали Дудли праздник – брали его с кем-нибудь из друзей на аттракционы в парк, кормили гамбургерами или водили в кино. А Гарри на это время сдавали миссис Фигг, чокнутой бабке, которая жила через две улицы. Гарри терпеть не мог с ней оставаться. Там в доме воняло капустой, и она заставляла Гарри рассматривать фотографии кошек, которых за долгую жизнь у нее перебивало великое множество.

– И как быть? – Тетя Петунья возмущенно посмотрела на Гарри, словно все это было его рук дело. Тот понимал, что должен бы посочувствовать миссис Фигг, да только не мог

себя заставить: ведь теперь впереди еще целый год без Снежинки, Пуфика, дяди Лапки и Хохлика!

– Давай позвоним Марджи, – предложил дядя Вернон.

– Не говори глупостей, Вернон, сам знаешь – она ненавидит мальчишку.

Дядя с тетей часто говорили о Гарри в его присутствии так, будто его нет рядом; точнее, так, будто он – какой-то мерзкий слизняк и не в состоянии их понять.

– А эта, как бишь ее, твоя подруга... Ивонна?

– В отпуске на Майорке, – отрезала тетя Петуния.

– Оставьте меня дома, – с надеждой предложил Гарри (он в кои-то веки сможет посмотреть по телевизору что захочется или даже поиграть на компьютере Дудли).

Тетя Петуния скривилась, точно разжевала лимон.

– Чтобы потом вернуться к руинам? – проворчала она.

– Я не взорву дом, – сказал Гарри, но его не слушали.

– Давай возьмем его в зоопарк... – медленно заговорила тетя Петуния, – ...и оставим в машине...

– Машина, между прочим, новая, я его там одного не оставляю...

Дудли громко зарыдал. Не по-настоящему, конечно, – он сто лет не плакал по-настоящему, – но знал, что, если как следует скривиться и завывать, мама сделает для него что угодно.

– Динки-дуди-дум, не плачь, мамочка не позволит ему испортить тебе праздник! – воскликнула тетя Петуния, обвивая руками шею сына.

– Я... не... хочу... чтоб... он... шел... с... нами! – голосил Дудли между притворными всхлипами. – Он в-ечно в-все портит! – И Дудли злорадно ухмыльнулся Гарри из-под маминых рук.

Тут раздался звонок в дверь.

– Боже мой, уже пришли! – в отчаянии вскрикнула тетя Петуния – и на пороге возник лучший друг Дудли, Пирс Полкисс, с мамой. Тщедушный, с крысиным лицом, Пирс обычно выкручивал руки тем, кому Дудли собирался вмазать.

Дудли сразу перестал плакать.

Через полчаса Гарри, не веря своему счастью, впервые в жизни ехал в зоопарк – рядом с Дудли и Пирсом, на заднем сиденье. Дядя с тетей так и не придумали, куда бы его сплавить, но перед отъездом из дома дядя Вернон отвел его в сторонку и прошепел, приблизив к нему огромное багровое лицо:

– Предупреждаю, парень: один фокус, одна-единственная твоя штучка – и ты не выйдешь из чулана до Рождества.

– Да я ничего и не собирался, – сказал Гарри, – честно...

Но дядя Вернон ему не поверил. Никто ему не верил, никогда.

Беда в том, что с Гарри часто происходило странное и убеждать Дурслеев, будто он тут ни при чем, было бесполезно.

Однажды, например, тетя Петуния, возмущившись, что Гарри опять вернулся из парикмахерской «будто не стригся вовсе», обкорнала его кухонными ножницами почти налысо и оставила только челку, «чтобы прикрыть этот гадкий шрам». Дудли чуть не лопнул от смеха, а Гарри всю ночь не спал – представлял, как завтра пойдет в школу, где его и так дразнили за мешковатую одежду и склеенные очки. Однако утром обнаружилось, что волосы снова отросли, будто их никто и не стриг, и Гарри на неделю упрятали в чулан, хоть он и пытался объяснить, что не может объяснить, как они отросли так быстро.

В другой раз тетя Петуния хотела обрядить его в омерзительный старый свитер Дудли (коричневый с рыжими помпонами). Но, чем сильнее она старалась натянуть его на Гарри, тем стремительней уменьшался свитер, и в конце концов стало ясно, что он не налезет и на

куклу. Тетя Петуния решила, что свитер, видимо, сел при стирке, и Гарри, к великому его облегчению, не наказали.

Зато, когда он неизвестно как очутился на крыше школьной столовой, ему пришлось туго. Дудли с друзьями, по обыкновению, гонялись за ним, и вдруг оказалось, что Гарри сидит на трубе, чему сам он удивился не меньше прочих. Дурслеи получили сердитое письмо от его классной руководительницы, уведомлявшее, что мальчик лазит по крышам школьных построек. А мальчик всего лишь (как он пытался втолковать дяде Вернону через запертую дверь чулана) пытался запрыгнуть за мусорные баки, выставленные у столовой. Но его, наверное, подхватило и унесло сильным ветром.

Но сегодня ничего плохого не произойдет. И даже с обществом Дудли и Пирса можно смириться – ради счастья побыть не в школе, и не в чулане, и не в капустной гостиной миссис Фигг.

Дядя Вернон крутил руль и жаловался на жизнь тете Петунии. Он вообще любил жаловаться: подчиненные, Гарри, местный совет, Гарри, банк, Гарри – вот лишь несколько излюбленных его тем. Сейчас ему не угодили мотоциклы.

– ...носятся как полоумные, хулиганье, – буркнул он, когда мимо промчался мотоциклист.

– А я мотоцикл во сне видел, – вдруг вспомнил Гарри. – Он летал.

Дядя Вернон едва не врезался в идущую впереди машину. Он резко обернулся, напоминая лицом гигантскую свеклу с усами, и завопил:

– МОТОЦИКЛЫ НЕ ЛЕТАЮТ!

Дудли с Пирсом хрюкнули.

– Знаю, – согласился Гарри. – Но это же сон.

Он пожалел, что раскрыл рот. Хуже лишних вопросов для Дурслеев были только рассказы о вещах, действующих не так, как положено, пусть во сне или даже в мультфильме: Дурслеям сразу казалось, что у Гарри появляются опасные мысли.

Суббота выдалась очень солнечной, и в зоопарке было полно народу. Дудли и Пирсу купили по большому шоколадному мороженому, а потом – улыбчивая продавщица успела спросить, чего хочет Гарри, прежде чем его оттащили от ее тележки, – Дурслеям пришлось раскошелиться на дешевый лимонный лед и ему. Тоже неплохо, решил Гарри, облизывая мороженое и наблюдая за гориллой, чесавшей голову: ни дать ни взять Дудли, только волосы черные.

То было лучшее утро в жизни Гарри. Он предусмотрительно держался поодаль от остальных, чтобы Дудли и Пирс, которым к обеду зоопарк поднадоел, не вздумали обратиться к своему любимому занятию – колотить его. Они пообедали в ресторане прямо в зоопарке и, когда Дудли учинил скандал – якобы в десерте «Полосатый чулок» сверху слишком мало мороженого, – дядя Вернон купил ему другую порцию, а Гарри разрешили доесть первую.

Словом, все шло чересчур хорошо, а потому быстро закончилось.

После обеда они отправились в террариум. Внутри было темно и прохладно; вдоль стен тянулись освещенные витрины. За стеклом, меж камней и бревен, ползали, извивались, шныряли всевозможные змеи и ящерицы. Дудли с Пирсом хотели посмотреть здоровенных ядовитых кобр и толстых питонов, способных задушить человека. Дудли быстро отыскал самую большую змею. Она могла бы дважды обернуться вокруг машины дяди Вернона и сплющить ее в лепешку – только сейчас была не в настроении. Вообще-то она спала.

Дудли постоял, прижав нос к стеклу, поглядел на блестящие коричневые кольца, и закашлялся:

– Пусть она поползает!

Дядя Вернон постучал по стеклу, но змея не шелохнулась.

– Постучи еще, – приказал Дудли.

Дядя Вернон громко забарабанил костяшками. Змея дрыхла.

– Ску-у-учно, – простонал Дудли и побрел прочь, загребая ногами.

Гарри подошел к витрине и вгляделся в змею. Он бы не удивился, если бы узнал, что та сдохла со скуки, – подумать, целый день болван за болваном, которые долбят по стеклу и не дают покоя! Хуже, чем спать в чулане – там колотит в дверь одна только тетя Петунья, и Гарри разрешают ходить по всему дому.

И вдруг змея открыла круглые глаза. Медленно, очень медленно подняла голову и уставилась ему прямо в лицо.

И подмигнула.

Гарри вытаращился на нее. Потом быстро огляделся: не видит ли кто. Никто не видел. Тогда он повернулся к змее и тоже подмигнул.

Змея качнула головой на дядю Вернона и Дудли, а затем возвела глаза к потолку. Ее взгляд ясно говорил: *«И так все время»*.

– Понимаю, – пробормотал Гарри в стекло, хотя и не был уверен, что змея его слышит. – Небось достало?

Змея энергично кивнула.

– А ты вообще откуда? – полюбопытствовал Гарри.

Змея постучала хвостом по табличке у стекла. Гарри прочитал: «Боа-констриктор, Бразилия».

– Хорошо там, в Бразилии?

Боа-констриктор снова постучал по табличке, и Гарри прочел дальше: «Этот экземпляр выведен в зоопарке».

– Вот как? Значит, ты не был в Бразилии?

Констриктор потряс головой, и тут за спиной Гарри раздался оглушительный вопль, так что и он, и змея вздрогнули:

– ДУДЛИ! МИСТЕР ДУРСЛЕЙ! ИДИТЕ СЮДА! ПОСМОТРИТЕ НА ЗМЕЮ! ВЫ НЕ ПОВЕРИТЕ, ЧТО ОНА ВЫТВОРИТ!

Дудли подбежал вразвалку.

– Прочь с дороги, ты, морда! – крикнул он, ткнув Гарри под ребра. От неожиданности Гарри упал на бетонный пол. Дальше все произошло до того быстро, что никто не успел ничего понять: только что Пирс с Дудли стояли, уткнувшись носами в стекло, а через секунду уже отскочили, взыв от ужаса.

Гарри сел и ахнул: стеклянная витрина, ограждавшая вольер с боа-констриктором, исчезла. Огромная змея, стремительно развертывая кольца, ползла наружу. По всему террариуму люди с громкими воплями неслись к выходам.

Змея быстро и бесшумно скользнула мимо Гарри, и тот услышал – готов был поклясться, что услышал, – ее тихий, свистящий шепот: «Бразилия, жди меня... С-с-спасибо, амиго».

Смотритель террариума был в шоке.

– Стекло, – повторял он как попугай. – Куда делось стекло?

Директор зоопарка, ни на секунду не переставая извиняться, собственноручно заварил тете Петунии крепкого сладкого чая. Дудли и Пирс беспомощно что-то бормотали. Насколько видел Гарри, боа-констриктор, проползая мимо, всего-навсего слегка прихватил их за пятки, но, когда все расселись в машине, Дудли уже рассказывал, что питон едва не откусил ему ногу, а Пирс клялся, что его чуть не задушили. Но самое мерзкое – по крайней мере для Гарри – началось, когда Пирс, слегка успокоившись, заявил:

– А Гарри с ним разговаривал! Скажешь, нет, Гарри?

Дядя Вернон дождался, пока Пирса заберут, и взялся за Гарри. От злости он едва мог говорить. Выдавил только:

– Вон – в чулан – сиди – без еды, – и рухнул в кресло. Тетя Петуния побежала за бренди.

Позже Гарри лежал в чулане и мечтал о часах. Он не знал, сколько времени и все ли уже заснули. А до того не смел вылезти и пробраться на кухню хоть что-нибудь съесть.

Он жил у Дурслеев почти десять лет, десять несчастливых лет, с младенчества, с того дня, когда его родители погибли в автокатастрофе. Он не помнил себя в той машине. Иногда, подолгу сидя в чулане и сильно напрягая память, он словно бы видел ослепительную зеленую вспышку и ощущал жгучую боль во лбу. Видимо, это и было воспоминание об аварии, хотя непонятно, откуда взялась вспышка. Родителей он не помнил совсем. Дядя и тетя о них не говорили; спрашивать, разумеется, запрещалось. Их фотографий в доме не держали.

Малышом Гарри все мечтал о неведомом родственнике: вот он приедет и заберет его. Но такого не случилось. Кроме дяди и тети, у него никого не было. И все же иногда ему казалось (или он это придумывал?), что посторонние люди на улице его узнают. Очень, кстати, странные посторонние. Однажды они ходили по магазинам с тетей Петунией и Дудли, и какой-то крошечный человечек в фиолетовом цилиндре поклонился Гарри. После яростных расспросов, откуда Гарри знает этого типа, тетя волоком вытащила детей на улицу, так ничего и не купив. В другой раз, в автобусе, ему весело помахала рукой дикого вида старуха, вся в зеленом. А на днях некто лысый в длинном пурпурном плаще молча пожал ему руку и тут же ушел. Самым же странным было то, что все они исчезали при малейшей попытке их рассмотреть.

В школе у Гарри друзей не было. Все знали, что Дудли с приятелями терпеть не могут дурака Поттера с его мешковатой одеждой и разбитыми очками, а идти против Дудли и его компании никто не хотел.

Глава третья

Письма невесть откуда

Побег бразильского боа-констриктора обошелся Гарри дорогой ценой. К тому времени, когда его выпустили из чулана, уже начались летние каникулы и Дудли успел сломать новую видеокамеру, разбить радиоуправляемый самолет и при первом же выезде на гоночном велосипеде сбить с ног старую миссис Фигг, тащившуюся по Бирючинной улице на костылях.

Гарри радовался, что уроки кончились, но от Дудли и его приятелей, ежедневно являвшихся в гости, деться было некуда. Пирс, Деннис, Малькольм и Гордон, как на подбор – тупые здоровяки, охотно признавали своим вожаком Дудли, самого среди них здорового и тупого, и с радостью составляли ему компанию в любимом занятии «гоняем Гарри».

Гарри старался почаще уходить из дома, бродил по окрестностям и думал о новом учебном годе. Там, казалось ему, брезжил слабый лучик надежды. В сентябре ему предстояло идти в среднюю школу – впервые в жизни без Дудли. Того зачислили в частную школу «Смылтингс», где некогда учился и дядя Вернон. Туда же записали и Пирса Полкисса. Гарри же определили в «Бетонные стены», районную общеобразовательную школу. Дудли это страшно веселило.

– В «Бетонных стенах» в первый день всех макают головой в унитаз, – сообщил он Гарри. – Хочешь пойдем наверх, потренируемся?

– Нет, спасибо, – ответил Гарри. – Чего-чего, а твоей башки нашему бедному унитазу не переварить: его стошнит! – И убежал, пока до Дудли не дошел смысл сказанного.

Однажды в июле тетя Петуния с Дудли отправились в Лондон покупать форму для «Смылтингса», а Гарри остался с миссис Фигг, которая оказалась не так ужасна, как раньше. Выяснилось, что ногу она сломала, споткнувшись об одну из своих питомиц, и это несколько охладило ее любовь к кошкам. Миссис Фигг разрешила Гарри посмотреть телевизор и угостила ломтиком шоколадного торта – судя по вкусу, тот пролежал у нее не год и не два.

Тем же вечером в гостиной Дудли демонстрировал новую, с иголки, форму. Мальчики в «Смылтингсе» носили бордовые фраки, оранжевые бриджи и плоские соломенные шляпы под названием «канотье». Кроме того, каждому полагалась шишковатая палка, чтобы лупить друг друга, пока не видят учителя. Это умение считалось крайне полезным для взрослой жизни.

Глядя на сына в новых бриджах, дядя Вернон охрипшим голосом произнес, что гордится им сейчас как никогда. Тетя Петуния разрыдалась и сквозь слезы пролепетала:

– Просто не верится, что это – наш крошечка Дудликин... Такой взрослый, такой красивый...

А Гарри ничего сказать не решился. Он с таким трудом сдерживал хохот, что у него, похоже, треснула пара ребер.

Наутро, когда Гарри вышел к завтраку, в кухне стояла отвратительная вонь. Шла она из большого цинкового корыта, водруженного на раковину. Гарри заглянул внутрь. В серой воде плавали какие-то грязные половики.

– Что это? – спросил он тетю Петунию. Та поджала губы – как, впрочем, всегда, на любые его вопросы.

– Твоя новая школьная форма, – ответила она.

Гарри еще раз посмотрел в корыто.

– Ой, – сказал он. – Я не знал, что она должна быть мокрая.

– Не идиотничай, – разозлилась тетя Петуния. – Я перекрашиваю для тебя старые вещи Дудли в серый цвет. Будет не хуже, чем у других.

Гарри сильно в этом сомневался, но почел за благо не спорить, сел за стол и постарался не думать о своем первом дне в «Бетонных стенах» – все, пожалуй, решат, будто он напялил старую слоновью шкуру.

Вошли Дудли с дядей Верноном и от неприятного запаха брезгливо сморщили носы. Дядя Вернон, по обыкновению, развернул газету, а Дудли грохнул на стол смылтинговую палку, которую теперь повсюду таскал с собой.

От входной двери донесся шум: это почтальон сунул почту в прорезь, и на коврик упали конверты.

– Принеси почту, Дудли, – велел дядя Вернон из-за газеты.

– Пусть Гарри принесет.

– Принеси почту, Гарри.

– Пусть Дудли принесет.

– Ткни его палкой, Дудли.

От палки Гарри увернулся и пошел за почтой. На коврике лежали три послания: открытка от Марджи, сестры дяди Вернона, отдыхавшей на острове Уайт, бурый конверт, очевидно, со счетами, и – *письмо для Гарри*.

Он взял письмо и уставился на него; сердце, как большая струна, дрожало в груди. Никто никогда за всю жизнь не писал ему никаких писем. Да и кому бы? У него ни друзей, ни родственников. Даже в библиотеку не записан, и на грубые требования вернуть просроченные книги рассчитывать не приходится. И все же вот оно, письмо с адресом. Ошибки быть не может:

Суррей
Литтл Уинджинг,
Бирючинная улица, дом № 4,
Чулан под лестницей,
Мистеру Г. Поттеру

Конверт толстый, тяжелый, из желтоватого пергамента, адрес написан изумрудно-зелеными чернилами. Марки нет.

Перевернув конверт трясущимися руками, Гарри увидел на обратной стороне лиловую сургучную печать с гербом: лев, орел, барсук и змея вокруг большой буквы «Х».

– Чего застрял? – раздался голос дяди Вернона. – Проверяешь, нет ли бомб? – И он засмеялся собственной шутке.

Гарри вернулся на кухню, не сводя глаз с письма. Протянул дяде Вернону открытку и счета, а сам сел и начал медленно распечатывать желтый конверт.

Дядя Вернон рывком вскрыл счета, раздраженно фыркнул и переключился на открытку.

– Марджи заболела, – сообщил он тете Петунии, – съела какую-то морскую тварь.

– Пап! – закричал вдруг Дудли. – Пап, смотри, что это у Гарри?

Гарри почти уже развернул послание, тоже написанное на плотном пергаменте, но дядя Вернон грубо выдернул письмо у него из рук.

– Это *мое!* – закричал Гарри, пытаясь вернуть письмо.

– Кто станет тебе писать? – осклабился дядя Вернон, встряхивая письмо одной рукой, чтобы развернуть. Но, едва он глянул на текст, цвет его лица сменился с красного на зеленый быстрее, чем на светофоре. Впрочем, и зеленым дело не кончилось. Еще секунда – и лицо дяди Вернона посерело, как засохшая овсяная каша. – П-п-петуния! – воскликнул он сиплым шепотом.

Дудли попытался выхватить пергамент, но дядя Вернон вздернул письмо повыше. Тетя Петуния с любопытством взяла его у мужа из рук, прочла первую строчку и едва не упала в обморок. Она схватилась за горло и задушенно прохрипела:

– Вернон! Боже милосердный... Вернон!

Они смотрели друг на друга, словно позабыв о Гарри и Дудли. Однако последний не привык к невниманию и звонко ударил отца палкой по голове.

– Хочу прочитать письмо! – объявил он громко.

– Это я хочу прочитать письмо, – гневно сказал Гарри, – оно *мое*!

– Убирайтесь отсюда, оба! – просипел дядя Вернон, засовывая письмо в конверт.

Гарри не пошевелился.

– ОТДАЙТЕ ПИСЬМО! – закричал он.

– Покажите *мне*! – приказал Дудли.

– ВОН! – проревел дядя Вернон, за шкуру вышвырнул обоих мальчишек в холл и захлопнул кухонную дверь у них перед носом. Гарри и Дудли деловито и безмолвно подрались за место у замочной скважины. Победил Дудли, а Гарри, в очках, болтавшихся на одном ухе, лег на живот и стал подслушивать под дверью.

– Вернон, – говорила тетя Петуния дрожащим голосом, – посмотри на адрес... Откуда они знают, где он спит? Они что, следят за нами?

– Следят... шпионят... а то и подглядывают, – испуганно бормотал дядя Вернон.

– Но что же делать, Вернон? Написать им? Сообщить, что мы не желаем...

Гарри видел, как сияющие черные туфли дяди Вернона шагают взад-вперед по кухне.

– Нет, – решил наконец дядя, – мы их проигнорируем. Если они не получают ответа... Да, так лучше всего... мы ничего не станем делать...

– Но...

– В моем доме такому безобразию не бывать, Петуния! Мы ведь поклялись, когда оставили его у себя, что выбьем из него эту дурь?

В конце дня, вернувшись с работы, дядя Вернон совершил то, чего никогда раньше не делал, – посетил Гарри в чулане.

– Где мое письмо? – выпалил Гарри, едва дядя Вернон протиснулся в дверцу. – Кто мне пишет?

– Никто. Это письмо попало к тебе по ошибке, – отрывисто сказал дядя Вернон. – Я его сжег.

– Ничего не по ошибке, – сердито ответил Гарри. – Там в адресе мой чулан.

– ЦЫЦ! – рявкнул дядя Вернон, и с потолка свалилось два-три паука. Дядя несколько раз глубоко вдохнул и заставил себя улыбнуться, но улыбка вышла довольно мучительной. – Кстати, Гарри... насчет чулана. Мы с твоей тетей подумали... ты растешь... тебе тут неудобно... мы решили переселить тебя во вторую спальню Дудли.

– Зачем? – спросил Гарри.

– Давай без лишних вопросов! – гаркнул дядя. – Тащи барахло наверх, и пошустрее!

На втором этаже дома было четыре комнаты: спальня дяди Вернона и тети Петунии, гостиная (в ней обычно останавливалась Марджи, сестра дяди Вернона), спальня Дудли и еще одна комната для его вещей и игрушек, которые не помещались в первую. Гарри перенес туда свое имущество за один-единственный раз. Потом сел на кровать и осмотрелся. Почти все вокруг было поломано. Месяц назад купленная видеокамера валялась на игрушечном танке, которым Дудли как-то переехал соседскую собаку. В углу пылился первый личный телевизор Дудли, разбитый ногой за то, что отменили любимую передачу. Здесь же стояла большая птичья клетка, где раньше жил попугай, которого Дудли сменял в школе на настоящую пневматическую винтовку, лежавшую теперь на верхней полке с погнутым дулом –

Дудли на нем неудачно посидел. Остальные полки были забиты книгами – и только книги выглядели нетронутыми.

Снизу доносился рев Дудли – он орал на маму:

– Не *хочу*, чтобы он там жил... Это *моя* комната... Выгоните его...

Гарри вздохнул и растянулся на кровати. Еще вчера он отдал бы что угодно за эту комнату. Сегодня же он предпочел бы чулан – и письмо.

Наутро за завтраком все вели себя непривычно тихо. Дудли был в шоке. Он вопил, колотил отца палкой, пинал мать, притворялся, что его тошнит, и даже разбил черепухой стекло в парнике, но комнаты обратно не получил. Гарри вспоминал вчерашний день и проклинал себя за то, что не прочитал письмо в холле. Дядя Вернон и тетя Петунья мрачно перегляды вались.

Принесли почту. Дядя Вернон, явно старавшийся быть с Гарри полубезней, послал за письмами Дудли. Тот направился к двери, колотя по чему попало своей палкой. Затем раздался крик:

– Еще одно! Бирючинная улица, дом № 4, Маленькая комнатка, мистеру Г. Поттеру...

Дядя Вернон с задушенным хрипом выпрыгнул из-за стола и понесся по коридору; Гарри – за ним. Дядя Вернон повалил на пол Дудли, чтобы силой вырвать письмо, а Гарри, ухватив дядю за шею, старался оттащить его от Дудли. Через несколько минут беспорядочной потасовки, в которой каждому изрядно досталось палкой, дядя Вернон наконец выпрямился, отдуваясь и победно сжимая письмо в руке.

– Вон к себе в чулан... то есть в комнату, – просипел он, обращаясь к Гарри. – Дудли, уйди... уйди, говорю.

Гарри кругами ходил по новому обиталищу. Кто-то знал не только о том, что он переехал, но и о том, что он не получил первого письма. Наверняка они напишут еще! А уж он постарается, чтобы письмо дошло. У него созрел план.

Утром старый будильник прозвенел в шесть утра. Гарри скорее выключил его и бесшумно оделся. Главное – никого не разбудить. Не зажигая света, Гарри прокрался вниз.

Он решил дожидаться почтальона на углу Бирючинной улицы. Он на цыпочках шел по темному коридору, и сердце его колотилось как бешеное...

– А-А-А-А-А-А-А-А-А!

От ужаса Гарри подпрыгнул; он наступил на что-то большое и мягкое на коврике у двери – что-то *живое*!

Наверху зажегся свет, и Гарри, к своему ужасу, понял, что большим и мягким было дядино лицо! Дядя Вернон ночевал под дверью в спальном мешке, чтобы помешать планам племянника. Целых полчаса дядя орал на Гарри, а затем велел принести ему чашку чая. Гарри безутешно поплелся на кухню. Вернувшись, он обнаружил, что почту уже доставили – прямоком дяде на колени. Гарри разглядел целых три конверта, надписанных изумрудными чернилами.

– Это мне... – начал было он, но дядя Вернон демонстративно изорвал письма в клочья.

В тот день дядя Вернон не пошел на работу. Он остался дома и заколотил прорезь для писем.

– Понимаешь, – объяснял он тете Петунии сквозь гвозди во рту, – если они не смогут их *доставить*, то прекратят и присылать.

– Не уверена, Вернон.

– Мы не знаем, Петунья, как поведут себя эти люди – их мозги работают не как у нас, – сказал дядя Вернон и ударил по гвоздю куском фруктового кекса, который только что принесла ему тетя Петунья.

В пятницу Гарри пришло ни много ни мало двенадцать писем. В прорезь их опустить не смогли и просунули под дверь и в боковые щели, а еще несколько забросили в окошко туалета на нижнем этаже.

Дядя Вернон снова остался дома. Он сжег письма, а затем вооружился молотком и гвоздями и забил досками все щели входной двери и черного хода, так что никто уже не мог выйти наружу. За работой он напевал «на цыпочках со мной через окно, на цыпочках со мной через тюльпаны» и вздрагивал от малейшего шороха.

В субботу все пошло вразнос. Двадцать четыре письма для Гарри пробрались в дом свернутыми в трубочки внутри двух дюжин яиц, которые тетя Петуния приняла из рук озадаченного молочника через окно гостиной. Пока дядя Вернон, не зная, кому жаловаться, возмущенно звонил на почту и в молочную лавку, тетя Петуния измельчила письма в кухонном комбайне.

– Кому это ты так нужен? – удивлялся Дудли.

С утра в воскресенье дядя Вернон спустился к завтраку усталый и даже больной, но все-таки счастливый.

– По воскресеньям почту не носят, – весело сказал он, намазывая мармелад на газету, – так что никаких идиотских писем...

Тут что-то со свистом вылетело из печной трубы и стукнуло дядю по затылку. Из очага пулями полетели письма – тридцать, а то и сорок. Все пригнулись, один Гарри подскочил, стараясь поймать хотя бы одно...

– Вон! ВОН!

Дядя Вернон ухватил Гарри за пояс и выбросил в коридор. Тетя Петуния и Дудли вылетели из кухни, закрывая лица руками, и дядя Вернон захлопнул дверь. Слышно было, как письма сыплются из трубы, отскакивая от пола и стен.

– Значит, так, – сказал дядя Вернон с деланным спокойствием, нервно выдирая клочья усов, – чтобы через пять минут все были готовы. Мы уезжаем. Брать только самое необходимое. Без возражений!

С ободранными усами он выглядел так страшно, что никто и не решился возражать. Через десять минут, проломив себе путь сквозь заколоченные двери, они уже мчались на машине к шоссе. На заднем сиденье всхлипывал Дудли: он получил от отца подзатыльник за то, что задержал отъезд, пытаясь упихнуть в спортивную сумку телевизор, видеомагнитофон и компьютер.

Они мчались прочь, все дальше и дальше. Даже тетя Петуния не осмеливалась спросить, куда они едут. Время от времени дядя Вернон резко разворачивался и некоторое время ехал в обратном направлении.

– Избавиться от погони... хвоста... – бормотал он.

Они ни разу не остановились даже перекусить. К вечеру Дудли выл в голос. Ничего кошмарнее с ним в жизни еще не случалось. Он не ел, он пропустил по телевизору целых пять передач и – неслыханно! – за целый день не взорвал ни одного компьютерного пришельца.

Наконец на окраине большого города дядя Вернон затормозил у какой-то угрюмой гостиницы с видом на железную дорогу. Дудли и Гарри поселили в одном номере и уложили в кровати с волглыми, заплесневелыми простынями. Дудли быстро захрапел, а Гарри сидел на подоконнике, смотрел на свет фар проезжавших машин и гадал, что же происходит...

Завтракать пришлось лежалыми хлопьями и бутербродами с маринованными помидорами. Не успели они доесть, подошла хозяйка гостиницы.

– Простите, к'торый тут будет мистер Г. Поттер? Тут пр'шло 'коло сотни 'от таких 'от... И показала им письмо изумрудным адресом вперед:

Кокворт
Гостиница «Рай под насыпью»
Номер 17
Мистеру Г. Поттеру

Гарри потянулся было за письмом, но дядя Вернон стукнул его по руке. Женщина смотрела на них.

– Я их заберу, – сказал дядя Вернон, быстро встал и вышел из столовой следом за хозяйкой.

– Милый, может, нам лучше вернуться домой? – осторожно спросила тетя Петуния много часов спустя.

Но дядя Вернон ее, похоже, не слышал. Понять, чего он ищет, никто не мог. Он завез их в лес, вышел, осмотрелся, потряс головой, снова сел в машину, поехал дальше. То же произошло и среди вспаханного поля, и на висячем мосту, и на самом верху многоэтажной стоянки.

– Папа сошел с ума, да? – тоскливо спросил Дудли у матери вечером того же дня.

Дядя Вернон привез их на берег моря, запер в машине и исчез.

Полил дождь. Крупные капли застучали по крыше. Дудли хлюпал носом.

– Сегодня понедельник, – пожаловался он матери. – «Великого Умберто» показывают. Я хочу ночевать где-нибудь с *телевизором*.

Понедельник. Гарри кое-что вспомнил. Раз сегодня понедельник – уж что-что, а дни недели Дудли, спасибо телевизору, знал прекрасно, – значит, завтра, во вторник, Гарри исполнится одиннадцать. И хотя от дня рождения Гарри ничего особенного не ждал – в прошлый раз, например, ему подарили вешалку для одежды и старые носки дяди Вернона, – но все же... Одиннадцать исполняется не каждый день.

Дядя Вернон вернулся улыбаясь. В руках он держал длинный тонкий сверток, но на вопрос тети Петунии, что это он купил, не ответил.

– Нашел идеальное место! – объявил он. – Все вылезаем! Пошли!

Снаружи было очень зябко. Дядя Вернон показывал в море, на далекую скалу. На ее вершине ютилась какая-то жалкая лачуга – уж точно без телевизора.

– Сегодня ночью обещают шторм! – злорадно воскликнул дядя и хлопнул в ладоши. – А этот джентльмен любезно согласился одолжить нам лодку!

К ним подковылял беззубый старикашка и с недоброй ухмылкой показал на утлую лодчонку, прыгавшую вниз в серо-стальных волнах.

– Я взял кой-какой провизии, – сказал дядя Вернон, – так что все на борт!

В лодке было смертельно холодно. Ледяные брызги и капли дождя заползали за воротник, пронизывающий ветер хлестал в лицо. Казалось, миновал не один час, прежде чем они добрались до скалы, где дядя Вернон, скользя и спотыкаясь, повел их к полуразвалившемуся дощатому пристанищу.

Внутри было отвратительно: пахло водорослями, ветер со свистом врвался в огромные щели между досками, в очаге пусто и сыро. И всего две комнатки.

«Провизия» дяди Вернона оказалась четырьмя бананами и пакетиком чипсов на каждого. Дядя попробовал развести огонь в очаге, но пустые пакеты лишь чадили и сморщивались.

– Вот письма быгодились, а? – бодро пошутил дядя.

Он пребывал в отличнейшем настроении – очевидно, был уверен, что сюда, к тому же в непогоду, никакому почтальону не добраться. Гарри про себя соглашался с дядей, но отнюдь не радовался.

Наступила ночь, и разразился обещанный шторм. Брызги высоченных волн били в стены лачуги, от свирепого ветра дребезжали грязные оконные стекла. Тетя Петуния нашла в другой комнате несколько полусгнивших одеял и устроила Дудли постель на изъеденном молью диванчике. Сама она вместе с дядей Верноном отправилась спать на продавленную кровать, а Гарри не осталось ничего другого, кроме как отыскать на полу местечко помягче и свернуться там под самым тонким и драным одеялом.

Ночь тянулась, шторм бушевал все сильнее. Гарри не мог заснуть. Он дрожал и вертелся с боку на бок, стараясь улечься поудобнее. В животе урчало от голода. Храп Дудли заглушали раскаты грома, впервые раздавшиеся около полуночи. Подсвеченный циферблат часов на толстой руке Дудли, свисавшей с дивана, показывал, что через десять минут Гарри исполнится одиннадцать. Он лежал и смотрел, как, тикая, приближается его день рождения, – и гадал, вспомнят ли об этом родственники и где сейчас неизвестный автор писем.

Еще пять минут. Снаружи что-то громко затрещало. Не провалилась бы крыша, подумал Гарри. Хотя тогда, возможно, станет теплее. Четыре минуты. Вдруг они вернутся, а дом на Бирючинной улице будет так забит письмами, что уж одно-то он как-нибудь украдет?

Три минуты. Интересно, это море так бьет о камни? И – две минуты – что это за странный хруст и рокот? Может, скала рушится и уходит под воду?

Еще минута, и – одиннадцать лет. Тридцать секунд... двадцать... десять... девять... Разбудить, что ли, Дудли, пусть позлится... Три... две... одна...

БУМ!

Лачуга вздрогнула, и Гарри резко сел, уставясь на дверь. Снаружи кто-то стучал, требуя впустить.

Глава четвертая

Хранитель ключей

БУМ! Стукнули еще раз. Дудли подскочил. – Где пушка? – глупо спросил он.

Сзади раздался грохот, словно кто-то упал с кровати, и дядя Вернон, буквально тормозя пятками, въехал в комнату. В руках он держал ружье – так вот что скрывалось в длинном свертке!

– Кто здесь? – выкрикнул он. – Учтите, я вооружен!

Короткая пауза, а затем...

ШАРАХ!

По двери вмазали с такой невероятной силой, что она слетела с петель и с оглушительным грохотом рухнула на пол.

На пороге стоял великан. Огромная физиономия почти совсем скрывалась в густой гриве спутанных волос и длинной неряшливой бороде, но глаза все-таки можно было рассмотреть: во всем этом волосяном буйстве они блестели, словно два больших черных жука.

Гигант протиснулся в хижину, сильно пригнув голову, и все равно подмел потолок своей несусветной гривой. Он наклонился, поднял дверь и без усилий поставил ее на место. Завывания бури поутихли. Гигант оглядел все собрание.

– Чайку можно, а? – попросил он. – Измотался как пес.

Он прошел к дивану, где, застыв от страха, сидел Дудли.

– Подвинься, жирный, – сказал нежданный гость.

Дудли взвизгнул и спрятался за спину матери, которая в свою очередь испуганно жалась за дядей Верноном.

– Ага, вот и Гарри! – воскликнул великан.

Гарри взглянул в суровое, дикое, темное лицо – и увидел вокруг глаз-жуков добрые морщинки. Великан улыбался.

– А я тебя вот таким помню, – показал руками он. – Скажите-ка: вылитый папаша, а глаза мамкины.

Дядя Вернон сипло втянул в себя воздух.

– Я требую, чтобы вы немедленно покинули этот дом, сэр! – вскричал он. – Это проникновение со взломом!

– Дурслей, дурындас, помолчи, – отмахнулся гигант. Он перегнулся через спинку дивана, отобрал у дяди Вернона ружье, с легкостью завязал его узлом и зашвырнул в дальний угол.

Дядя Вернон жалко пискнул – как мышь, на которую наступили.

– Короче, Гарри, – заговорил великан, отворачиваясь от Дурслеев, – с день-рождением тебя! Я тут притаранил кой-чего, только, кажись, сел на него по дороге – ну да ладно, все одно вкусно.

И вытащил из внутреннего кармана черного плаща слегка помятую коробку. Гарри дрожащими руками открыл ее и обнаружил внутри большой липкий шоколадный торт, на котором зеленой глазурью было выведено: «С днем рождения, Гарри!»

Задрав голову, Гарри посмотрел в лицо огромному человеку. Он хотел сказать спасибо, но это слово потерялось где-то на пути ко рту, и вместо «спасибо» он прошептал:

– Вы кто?

Великан хохотнул:

– Точно, не познакомились. Рубеус Огрид, хранитель ключей и вообще всех угодий «Хогварца».

Протянув громадную ладонь, он вобрал в нее руку Гарри до самого локтя и потряс.

– Ну, как с чайком-то? – напомнил он, потирая руки. – Кстати, и от чего покрепше тоже не откажусь.

Его взгляд упал на пустой очаг, где валялись съезжившиеся пакетики из-под чипсов. Он фыркнул и склонился к очагу. Никто не заметил, что он такое сделал, но буквально через секунду за решеткой уже полыхал огонь. По отсыревшей хижине разлился уютный свет, и Гарри обдало теплом, словно он очутился в горячей ванне.

Гигант развалился на диване, который изрядно просел под его весом, и принялся выкладывать из карманов плаща всякую всячину: медный чайник, упаковку сарделек, кочергу, заварочный чайник, несколько щербатых кружек и бутылку янтарной жидкости, к которой основательно приложился, прежде чем заняться ужином. Вскоре в хижине аппетитно запахло сардельками – те весело потрескивали на огне. Пока Огрид трудился, все молчали, но, стоило ему снять с кочерги первые шесть сочных, пахучих, слегка подгоревших сарделек, Дудли восторженно вскрикнул. Дядя Вернон предостерег:

– Не бери у него ничего, Дудли!

Гигант презрительно фыркнул.

– Твоего кабанчика, Дурслей, больше откармливать ни к чему, так что угомонись.

И он протянул сардельки Гарри. Тот проголодался невыносимо и уж точно в жизни не ел ничего вкуснее, но все равно не сводил глаз с великана. А поскольку никто ему ничего не объяснял, он решился спросить сам:

– Извините, я так и не понял. Кто вы?

Гигант основательно отхлебнул чаю и утер рот рукой.

– Зови меня Огрид, – сказал он, – как все. Я уж говорил, я – хранитель ключей в «Хогварце». Про «Хогварц» ты, ясное дело, знаешь.

– Мм... нет, – признался Гарри.

Огрид остолбенел.

– Извините, – быстро добавил Гарри.

– *Извините?* – рявкнул Огрид, обращая грозный взгляд к Дурслеям, которые съезжались и попятывались в темноту. – Это уж *ихнее* дело – извиняться! Ну, письма до тебя не доходили, ладно. Но чтоб ребенок не знал про «Хогварц» – тут прям хоть караул кричи! Сам-то ты чего, никогда не интересовался, где твои предки всему обучились?

– Чему – всему? – не понял Гарри.

– ЧЕМУ ВСЕМУ? – громовым раскатом повторил Огрид. – А ну-ка обожди-ка!

Он вскочил. В ярости он, казалось, заполнил собой всю лачугу. Дурслеи вжались в стену.

– Это ж как же прикажете понимать?! – зарычал Огрид. – Стало быть, этот мальчонка – вот этот вот самый – не знает ничего – ничегошеньки – НИ ПРО ЧТО?!

Это уже чересчур, подумал Гарри. Он, в конце концов, ходит в школу, да и оценки у него неплохие.

– Ну, кое-что я знаю, – вмешался он. – Считать умею и прочее.

Огрид только отмахнулся:

– Про наш мир, я имею в виду. *Твой мир. Мой мир. Мир твоих родителей.*

– Какой мир?

Видно было, что Огрид готов взорваться.

– Дурслей! – грозно прооркотал он.

Дядя Вернон мертвенно побледнел и прошептал что-то вроде «тыры-пыры».

Огрид потрясенно смотрел на Гарри.

– Но должен ж ты знать про мамку с папкой, – сказал он. – Они же *знаменитые!* И ты сам – *знаменитый!*

– Что? Мои... мои мама и папа... они разве знаменитые?

– Не знает... не знает... – Огрид, запустив руку в волосы, ошарашенно уставился на Гарри. – И тебе не сказали, кто ты есть? – спросил он после долгой паузы.

Дядя Вернон вдруг набрался храбрости.

– Замолчите! – потребовал он. – Немедленно замолчите, сэр! Я запрещаю рассказывать мальчику что бы то ни было!

Человек и похрабрее Вернона Дурслея дрогнул бы под свирепым взглядом, которым наградил его в ответ Огрид; когда же великан заговорил, каждый звук буквально вибрировал от гнева.

– Ему не сказали? Не сказали, что было в письме, которое оставил при нем Думбльдор? Да я сам там был! Сам все видел! Яс' те, Дурслей? И ты все годы скрывал?

– Что скрывал? – возбужденно спросил Гарри.

– МОЛЧАТЬ! ЗАПРЕЩАЮ! – в панике завопил дядя Вернон.

Тетя Петунья задохнулась от ужаса.

– Ой, да увяньте вы оба, – презрительно бросил Огрид и провозгласил: – Гарри! Ты – колдун.

В лачуге повисло молчание. Только слышно было, как грохочет море и свищет ветер.

– Я – *кто*? – ахнул Гарри.

– Колдун, яс' дело, – повторил Огрид и вновь плюхнулся на диван, со стоном просевший еще ниже. – И очень неплохой, ежели чуток натренируешься. С такими предками кем тебе еще быть? Короче, давай-ка уже прочитай письмецо.

Гарри протянул руку к возделенному желтоватому конверту, адресованному «Море, Лачуга на скале, Жесткая половица, мистеру Г. Поттеру». Он развернул письмо.

«ХОГВАРЦ»

ШКОЛА КОЛДОВСТВА и ВЕДЬМИНСКИХ ИСКУССТВ

Директор: Альбус Думбльдор

(Орден Мерлина первой степени, Великий Влшб., Гл. Колдун, Верховный Авторитет, Международная Конфедерация Чародейства)

Уважаемый мистер Поттер!

С радостью извещаем, что Вы приняты в Школу колдовства и ведьминских искусств «Хогварц». Список необходимой литературы и экипировки прилагается.

Начало занятий – 1 сентября. Ожидаем ответную сову не позднее 31 июля.

Искренне Ваша,

Минерва Макгонаголл, заместитель директора

В голове у Гарри вспыхнул фейерверк вопросов – не поймешь, с какого начать. После некоторого раздумья он пролепетал:

– А что значит – «ожидаем ответную сову»?

– Ах ты, гангрена скоротечная, чуть не запомнил! – воскликнул Огрид, хлопая себя по лбу с такой силой, что перевернул бы и груженую телегу; затем из очередного кармана он извлек сову – настоящую, живую, встрепанную сову, – длинное перо и пергаментный свиток. И, высовывая от усердия язык, нацарапал записку, которую Гарри прочитал вверх ногами:

Уважаемый профессор Думбльдор!

Вручил Гарри письмо.

Завтра едем за покупками.

Погода кошмарная.

Надеюсь, Вы здоровы.

Огрид

Великан скатал послание и отдал сове. Та сжала записку в клюве. Огрид отнес сову к дверям и швырнул наружу, в непогоду. Затем вернулся и сел на диван с таким видом, будто ничего особенного не совершил – вроде как поговорил по телефону.

Гарри осознал, что стоит с широко раскрытым ртом, и поспешно его захлопнул.

– О чем бишь я? – начал Огрид, но тут дядя Вернон, по-прежнему пепельно-серый от волнения, но ужасно сердитый, шагнул на свет и выкрикнул:

– Он не поедет!

Огрид фыркнул.

– И ты, мугло, конечно же его остановишь, – равнодушно проворчал он.

– Кто? – заинтересовался Гарри.

– Мугл, – пояснил Огрид. – Так мы зовем неволшебный люд. Тебе, бедняге, не подфартило: рос у таких мугловых муглов, каких еще поискать.

– Когда мы его взяли, поклялись искоренить эту чушь, – заявил дядя Вернон. – Поклялись истребить в нем эту пакость! Колдун! Скажите пожалуйста!

– Вы *знали*? – поразился Гарри. – *Знали*, что я... я – колдун?

– Знали?! – завизжала вдруг тетя Петунья. – Еще б нам не знать! Конечно, знали! Кем еще ты мог быть с такой мамашей! Моя треклятая сестричка тоже в свое время получила такое письмо и отправилась в эту вашу... *школу*... а потом являлась домой только на каникулы. И дальше вечно то лягушачья икра в карманах, то чашки превращаются в крысы! Я одна, одна видела, какая она... ненормальная! А родители знай восхищались: ах, Лили то, Лили се! Гордились – в семье ведьма растет! – Она перевела дыхание и завелась снова. Видно, ее уже очень давно распирало желание высказаться. – А потом, в школе, познакомилась с этим Поттером, и они взяли и поженились. Родился ты, и я, конечно, ни минутки не сомневалась, что ты станешь точно такой же... странный и... и... *ненормальный*, а потом, здравствуйте-пожалста, ее взяли и укокошили, а тебя подсунули нам!

Гарри побелел. И, едва совладав с голосом, спросил:

– Укокошили? Вы же говорили, они погибли в аварии?

– В АВАРИИ? – Огрид возмущенно вскочил, и Дурслеи забились еще дальше в угол. – Да разве ж могла авария убить Лили с Джеймсом! Возмутительно! Безобразие! Гарри Поттер сам про себя не знает, хотя у нас любая малявка про него наизусть расскажет!

– Как это? Почему? – разволновался Гарри.

Огрид перестал злиться и как будто расстроился.

– Не ждал я такого, – сказал он тихо и тревожно. – Хотя Думбльдор и говорил, что тебя нелегко будет отсюда выцепить, что многого ты не знаешь. Ох, Гарри, Гарри... Не знаю, по мне ли работенка все тебе рассказать, но кто-то ведь должен... Не идти ж тебе в «Хогварц» недотепой... – Он бросил на Дурслеев недобрый взгляд. – Пожалуй, лучше всего ничего от тебя не скрывать. Правда, и я сам не все знаю, история темная...

Он сел и некоторое время смотрел в огонь, а после заговорил:

– Видно, начинать надо с... с того, которого звать... Нет, но это с ума сойти, что вы про него и не слыхивали, а у нас он...

– Кто?

– Ох... не люблю его имя произносить без крайней надобности. Никто не любит.

– Почему?

– Горгулья ему на голову! Боятся, вот почему, по сей день боятся. Ох, как же тяжело... Видишь ли, Гарри, был у нас один колдун... который потом... испортился. Вот прямо до хуже некуда. А звали его... – Огрид судорожно сглотнул: слова не шли с языка.

– Может, напишете на бумажке? – предложил Гарри.

– Не-е, я точно не знаю, как он пишется. Ладно: Вольдеморт. – Огрида передернуло. – Все, не заставляй повторять. Так вот, этот самый колдун лет двадцать уж как начал искать последователей. И, яс'дело, нашел – одни боялись, другие примазывались к сильному, потому что сила-то у него была, будьте покойны. Смутные стояли времена, Гарри. Никто не знал, кому верить, никто не решался подружиться с незнакомым колдуном или ведьмой... случались всякие жуткие истории. И мало-помалу стал он брать верх. Яс'дело, с ним пытались бороться – но тех он убивал. Жестоко. Оставалось одно надежное место – «Хогварц». Похоже, Сами-Знаете-Кто боялся только Думбльдора. Не отваживался захватить школу – по крайней мере тогда. Ну вот... А твои мамка с папкой колдуны были на славу, лучше я не встречал. Старшие старосты «Хогварца»! И почему Сами-Знаете-Кто ни разу не попытался перетянуть их на свою сторону? Загадка. Чуял, видать: не станут они с Темными Силами якшаться, они ж были с Думбльдором. Может, тем разом он хотел их уговорить... или, наоборот, с пути убрать... кто знает... Только десять лет назад, в Хэллоуин, появился он в ту деревню, где вы жили. Ты был крохотулька, годик всего. Он вломился к вам в дом и... и... – Огрид осекся, вытащил из кармана ужасно грязный, крапчатый носовой платок и трубно высморкался. – Извиняюсь, – сказал он. – Но это так грустно! Любил я твоих предков, понимаешь, лучше людей не бывало... Ну а он... Ну... В общем, Сами-Знаете-Кто их убил... А потом – и тут-то вся тайна – он попробовал прикончить тебя. То ли чтоб свидетеля не оставлять, то ли просто убивать нравилось. Но не смог! Никогда не интересовался, откуда у тебя шрам на лбу? Это тебе не просто порез. Такое остается после очень сильных злых чар – ими ведь и родителей твоих, и самый ваш дом разнесло, – а на тебе не сработало! Потому ты и знаменит, Гарри. Кого он решал убить, все померли – кроме тебя. Он тогда лучших угробил – и Маккиннонов, и Боунсов, и Пруиттов, – а ты, малышка, взял да и выжил...

Гарри вдруг пронзила боль. Его будто бы вновь ослепила зеленая вспышка, и она была гораздо ярче, чем вспоминалась раньше, и – такое случилось впервые – он вспомнил еще одно: холодный, пронзительный, жестокий смех.

Огрид смотрел на него печально.

– Я самолично вынес тебя из развалин. Думбльдор приказал. Привез тебя к этим вот...

– Полнейшая белиберда! – воскликнул дядя Вернон. Гарри вздрогнул: он успел начисто забыть о Дурслях. К дяде Вернону, похоже, вернулась обычная самоуверенность. Он вызывающе глядел на Огрида и сжимал кулаки. – А теперь послушай меня, юноша, – раздраженно бросил он. – Я согласен, в тебе есть что-то странное – ничего, впрочем, особенного, хорошая добрая порка – и все пройдет, но вот твои родители действительно были психи. Без таких в мире только лучше, да и получили они по заслугам: чего и ждать, когда якшаешься с колдунами? Я ведь говорил, что так будет, что они сдохнут под...

Огрид не выдержал и, вскочив, выхватил из-под плаща потрепанный розовый зонтик. Наставив его на дядю Вернона, будто шпагу, гигант отчеканил:

– Предупреждаю, Дурслей, предупреждаю – еще слово...

Перед этим надвигающимся на него розовым вертелом дядя Вернон растерял решимость – он распластался по стене и затих.

– То-то. – Огрид, сопя, снова опустился на диван, который на этот раз просел до самого пола.

У Гарри меж тем зрели все новые вопросы.

– А что случилось с Воль... извините – с Сами-Знаете-Кем?

– Хороший вопрос, Гарри. Исчез. Испарился. Сразу, как пытался тебя убить. Оттого ты еще знаменитей. Загадка, понимаешь, из загадок... Он ведь тогда забирал все больше силы, больше власти – с чего ему исчезать? Кто говорит – помер. Вот уж бред! В нем небось и человеческого-то не осталось, помереть нечему. Другие думают, он еще где-то здесь, вроде как выжидает, но я и в это не верю. Его приспешники вернулись к нашим. Как бы вышли из транса. А не смогли бы, сохрани он хоть какую силу... Я так мыслю: он жив и сидит себе где-то тихо, но колдовской дар потерял. Слишком ослаб, не до борьбы ему. Чего-то в тебе этакое его и прикончило. Той ночью все у него пошло наперекосяк – пес знает, что именно, – но только чего-то в тебе его добило, это факт.

Огрид смотрел на Гарри ласково и даже уважительно, но Гарри это вовсе не польстило. Наоборот, ему стало ясно, что все это – чудовищная ошибка. Он – колдун? Да как это может быть? Всю жизнь его мучил Дудли, тиранили дядя Вернон и тетя Петунья... Будь он и в самом деле колдун, они бы превращались в жаб с бородавками всякий раз, как запирали его в чулане! Если когда-то он победил самого могущественного чародея на свете, почему Дудли вечно пинал его, как футбольный мячик?

– Огрид, – тихо проговорил он, – мне кажется, вы ошиблись. По-моему, я никакой не колдун.

К его удивлению, Огрид только хохотнул.

– Не колдун, значит? И что, никогда ничего не делалось по-твоему, когда ты, к примеру, сердился или пугался?

Гарри посмотрел в огонь. А ведь и впрямь... все странное происходило, именно когда он злился или пугался... За ним гонялся Дудли с друзьями – и он внезапно, непонятно как, очутился на крыше... Не хотел идти в школу с жуткой стрижкой – и волосы отросли за ночь... А в самый последний раз, когда Дудли его толкнул, он отомстил, сам того не сознавая, – напустил на него боа-констриктора...

Гарри улыбнулся Огриду. Тот просто лучился от радости.

– Чуешь? – подмигнул Огрид. – Гарри Поттер – не колдун! Ха! погоди, еще станешь гордостью «Хогварца».

Но дядя Вернон не собирался сдаваться без боя.

– Я же сказал: он туда не пойдет, – зашипел он. – Он отправится в «Бетонные стены» и еще нам спасибо скажет. Читал я ваши письма! Ему понадобится всякая чушь – книги заклинаний, волшебная палочка и...

– Ежели он чего захочет, всякое мугло ему не помеха, – зарычал Огрид. – Не пустить сына Лили и Джеймса Поттеров в «Хогварц»? Сдурели? Да он туда записан с рождения. Он идет в лучшую на свете Школу колдовства и ведьминских искусств. Семь лет – и он сам себя не узнает. Будет учиться с такими же, как сам, и у самого лучшего директора, Альбуса Думбльд...

– Я НЕ СТАНУ ПЛАТИТЬ ЗА ТО, ЧТОБЫ КАКОЙ-ТО СТАРЫЙ БОЛВАН УЧИЛ ЕГО КОЛДОВСКИМ ШТУЧКАМ! – заорал дядя Вернон.

Но он наконец зашел слишком далеко. Огрид схватил зонтик и крутанул им над головой.

– НЕ СМЕТЬ, – загремел он, – ОСКОРБЛЯТЬ – АЛЬБУСА – ДУМБЛЬДОРА – В МОЕМ – ПРИСУТСТВИИ!

И он указал зонтиком на Дудли. Полыхнуло фиолетовым, что-то треснуло, раздался визг – и Дудли затанцевал на месте, прижимая руки к толстому заду и скуля от боли. Когда он повернулся спиной, в прорехе штанов стал виден завиток поросячьего хвостика.

Дядя Вернон взвыл. Быстро втащив тетю Петунию и Дудли в другую комнату, он бросил на Огрида затравленный взгляд и захлопнул за собой дверь.

Огрид посмотрел на зонтик и почесал бороду.

– Не след мне выходить из себя, – горестно пробормотал он, – ну, да все одно не сработало. Думал обратить его в свинью, так, видно, он и без того уж свинья, ничего и не сделалось. – Из-под косматых бровей он искоса посмотрел на Гарри. – Буду признателен, если ты про это в «Хогварце» не расскажешь, – попросил он. – Я... мне... м-м... Нельзя мне магией заниматься, говоря по чести. Правда, чтоб тебя выследить, кой-чего разрешили – письмо доставить и прочее... Я вообще потому так за это дело и ухватился...

– А почему вам нельзя заниматься магией? – спросил Гарри.

– Ох! Так я ж и сам учился в «Хогварце», но меня, по правде сказать, это... турнули. На третий год. Сломали волшебную палочку пополам, все чин чинком. Но Думбльдор разрешил остаться лесником. Хороший он человек, Думбльдор.

– А за что вас исключили?

– Поздно уж, а завтра дел невпроворот, – громко ответил Огрид. – В город надо, книжки покупать и прочее. – Он снял черный плащ и бросил его Гарри. – На-ка, прикорни под ним, – сказал он. – И не пугайся, ежели он зашевелится, у меня там, кажись, в кармане сони дрыхнут.

Глава пятая

Диагон-аллея

Наутро Гарри проснулся рано. Он понимал, что уже светло, но глаз не открывал.

«Это сон, – убеждал он себя. – Мне приснился великан Огрид, который приехал сообщить, что я иду в школу колдунов. А сейчас я открою глаза и окажусь дома в чулане».

Вдруг громко постучали.

«Вот и тетя Петуния», – подумал Гарри с упавшим сердцем, по-прежнему не открывая глаз. Такой хороший был сон.

Тук. Тук. Тук.

– Ладно, – пробормотал Гарри. – Встаю.

Он сел, и с него свалился тяжелый плащ Огрида. Лачугу заливал солнечный свет, шторм стих. Огрид спал на проваленном диване, а в окно когтистой лапкой стучала сова с газетой в клюве.

Гарри вскочил. Его так распирало от счастья, словно он проглотил огромный воздушный шар. Он распахнул окно. Сова ввалилась внутрь и сбросила газету на Огрида, но тот и не подумал просыпаться. Сова спорхнула на пол и принялась трепать плащ Огрида.

– Перестань.

Гарри попытался прогнать сову, но та угрожающе щелкала клювом и продолжала трепать плащ.

– Огрид! – громко позвал Гарри. – Тут сова...

– Заплати, – промычал Огрид в диван.

– Что?

– Ей надо заплатить за доставку. В карманах глянь.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что плащ почти целиком состоит из карманов, а в них – связки ключей, гранулы против слизняков, мотки веревок, мятные леденцы, чайные пакетики... Наконец Гарри вытащил горсть монеток странного вида.

– Дай ей пять кнудов, – сонно пробурчал Огрид.

– Кнудов?

– Маленькие бронзовые.

Гарри отсчитал пять маленьких бронзовых монеток, сова протянула лапку – на ней болтался маленький кожаный кошелек. Гарри положил туда деньги, и сова улетела в открытое окно.

Огрид громко зевнул, сел, потянулся.

– Пора двигаться, Гарри, делов на сегодня пропасть: в Лондон надо поспеть, купить чего тебе там требуется для школы.

Гарри вертел в руках колдовские монетки. Ему только что пришла в голову одна мысль; из-за нее воздушный шарик внутри слегка сдулся.

– Э-э-э... Огрид?

– А? – отозвался Огрид, натягивая огромные сапоги.

– У меня ведь нет денег... Дядя Вернон вчера сказал, вы сами слышали... Он не станет платить за учебу.

– Про это не переживай, – сказал Огрид, вставая и почесывая голову. – Думаешь, родители тебе ничего не оставили?

– Но ведь их дом разрушили...

– А золото они, по-твоему, в чулке держали? Как бы не так. Короче, первым делом – в «Гринготтс». Колдовской банк. Съешь сардельку, они и холодные ничего... А я, пожалуй, и от твоего тортика не откажусь.

– У колдунов бывают банки?

– Только один. «Гринготтс». Им гоблины управляют.

Гарри уронил сардельку.

– *Гоблины?*

– Ага – и, доложу тебе, нет на свете полоумных, которые решились бы этот банк грабить. С гоблинами шутки плохи, Гарри. Ежели чего прятать, «Гринготтс» – самое надежное место на земле... ну и, может, еще «Хогварц». Мне, между прочим, в «Гринготтс» так и так надо было. Думбльдор поручил. По школьным делам. – Огрид приосанился. – По важным поводам он обычно меня посылает. Тебя вот привезти... или чего другое из «Гринготтса»... Доверяет, ясно?... Ну, собрался? Тогда потопали.

Гарри вслед за Огридом вышел на скалу. Небо совсем прояснилось, и море сверкало на солнце. Лодка, нанятая дядей Верноном, по-прежнему стояла внизу, полная воды после шторма.

– А как вы сюда попали? – спросил Гарри, оглядываясь: должна же быть еще одна лодка?

– Прилетел, – ответил Огрид.

– *Прилетели?*

– Угу, но обратно поплывем. Теперь со мной ты, колдовать больше нельзя.

Пока они усаживались в лодку, Гарри не спускал глаз с Огрида, пытаясь представить, как тот летает.

– А все ж таки обидно столько по воде бултыхаться, – поколебавшись, нерешительно произнес Огрид и глянул на Гарри искоса. – Ежели я чуток скорости поднаддам... пусть это останется между нами, ладно?

– Конечно! – пылко заверил Гарри, сгорая от желания увидеть еще какое-нибудь колдовство.

Огрид опять вытащил розовый зонтик, дважды стукнул им о борт, и лодка стремительно заскользила к берегу.

– А почему только полоумный решится ограбить «Гринготтс»? – спросил Гарри.

– Чары. Заклятья, – кратко пояснил Огрид, разворачивая газету. – Говорят, на страже сейфов повышенной секретности стоят драконы. Да и дороги не найдешь – «Гринготтс» глубоко-глубоко под Лондоном, на сотни миль, понимаешь? Много глубже подземки. И утащишь чего, так потом все одно помрешь под землей с голоду.

Пока Огрид читал «Оракул», Гарри сидел и размышлял. Дядя Вернон научил его, что за чтением газет человека беспокоить не следует, но удержаться было трудно: его в жизни еще не мучило столько вопросов.

– Опять министерство магии дурака сваяло, – проворчал Огрид, переворачивая страницу. – Как всегда.

– А что, есть такое министерство?! – изумился Гарри, хотя очень старался молчать.

– Яс'дело, – ответил Огрид. – Они, понятно, хотели Думбльдора министром, да тот «Хогварц» нипочем не бросит, ну, тогда и взяли Корнелиуса Фуджа. Тютя, одно слово. Каждый день бомбит Думбльдора совами – совета просит.

– А чем *занимается* министерство магии?

– Ихнее главное дело – следить, чтобы муглы не прознали, что в стране по-прежнему есть ведьмы и колдуны.

– Зачем?

– Зачем? Да ты сам посуди, Гарри! Ежели узнают, вмиг захотят по волшебству всего и побольше. Нет, нам уж лучше по-тихому.

Лодка мягко ткнулась в причал. Огрид сложил газету, и по каменным ступеням они поднялись на мостовую.

Пока они шли через городок на вокзал, прохожие всюду глазели на Огрида. И это Гарри несколько не удивляло: Огрид не только был вдвое больше обычного человека, он еще и без удержу размахивал руками, тыча в простейшие вещи вроде паркометра и громко восклицая:

– Видал?! Чего только муглы не наведумывают, скажи?

– Огрид, – спросил Гарри, слегка задыхаясь – ему ведь приходилось бежать, чтобы не отстать от великана, – значит, в «Гринготтсе» есть *драконы*?

– Говорят, есть, – ответил Огрид. – Эх, хотел бы я дракона!

– *Правда?*

– Да. Всю жизнь хотел, с малолетства... Нам сюда.

Они дошли до вокзала. Поезд на Лондон отправлялся через пять минут. Огрид, не разбиравшийся в «мугловых деньжатах», как он их называл, отдал Гарри купюры и послал за билетами.

В поезде на них глазели совсем уж бессовестно. Огрид занял два сиденья и вытащил вязанье. Вязал он нечто вроде циркового шатра канареечного цвета.

– У тебя письмо с собой, Гарри? – спросил Огрид, не переставая считать петли.

Гарри вытащил из кармана пергаментный конверт.

– Отлично, – сказал Огрид. – Там список всего нужного.

Гарри развернул второй лист письма, который не заметил накануне вечером, и прочел:

«ХОГВАРЦ»

ШКОЛА КОЛДОВСТВА и ВЕДЬМИНСКИХ ИСКУССТВ

ФОРМА

Учащимся первого года обучения необходимо иметь:

1. Простая рабочая мантия (черная) – 3 шт.
2. Повседневная островерхая шляпа (черная) – 1 шт.
3. Защитные перчатки (из драконьей кожи или аналогичные) – 1 шт.
4. Зимний плащ (черный, с серебряными застежками) – 1 шт.

Убедительная просьба проследить, чтобы на одежду были пришиты метки с фамилией учащегося.

УЧЕБНИКИ

Каждый учащийся должен иметь следующие книги:

- Миранда Истреб «Сборник заклинаний (часть первая)»
- Батильда Бэгшот «История магии»
- Адальберт Вафлинг «Теория колдовства»
- Эмерик Чиктрак «Превращения. Руководство для начинающих»
- Филлида Спора «Тысяча волшебных трав и грибов»
- Арсениус Скрупул «Волшебные отвары и зелья»
- Ньют Саламандер «Фантастические твари и где они обитают»
- Квентин Тряслъ «Силы зла: руководство по самозащите»

ПРОЧЕЕ

Волшебная палочка – 1 шт.
Котел (оловянный, размер 2) – 1 шт.
Набор флаконов (стекло или хрусталь) – 1 шт.
Телескоп – 1 шт.
Медные весы – 1 шт.
Учащимся разрешается привезти с собой сову, ИЛИ кошку, ИЛИ жабу.

ВНИМАНИЮ РОДИТЕЛЕЙ:

УЧАЩИМСЯ ПЕРВОГО ГОДА ОБУЧЕНИЯ НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ ИМЕТЬ СОБСТВЕННЫЕ МЕТЛЫ

- И все это можно купить в Лондоне? – поинтересовался Гарри.
- Если знать места, – ответил Огрид.

В Лондоне Гарри еще не бывал. Огрид, хоть и «знал места», явно не привык попадать туда обычным путем. Сначала он застрял в турникете метро, а потом всю дорогу жаловался: то сиденья тесные, то поезда медленные.

– Даже не знаю, как они тут обходятся без колдовства, – ворчал он, взбираясь вверх по сломанному эскалатору к выходу на узкую оживленную улицу, сплошь состоявшую из магазинов.

Гигант Огрид легко рассекал толпу, Гарри нужно было лишь держаться позади и не отставать. Они шли мимо книжных и музыкальных магазинов, закусочных и кинотеатров, но нигде не видели вывески «Волшебные палочки». Обычная улица, с обычными людьми... Неужели правда, что внизу, под землей, хранятся груды колдовского золота? И где же магазины, в которых продаются сборники заклинаний и метлы? Может, это вообще дурацкий розыгрыш, подстроенный дядей и тетей? Не знай Гарри, что Дурслеи напрочь лишены чувства юмора, он бы так и подумал – и все же, несмотря ни на что, верил Огриду безоговорочно.

– Пришли, – объявил Огрид, останавливаясь. – «Дырявый котел». Знаменитое местечко.

То было крохотное, невзрачное заведение. Если б Огрид не показал, Гарри бы и не заметил, что оно вообще тут есть. Кстати, люди, спешившие по улице, именно что не замечали его. Их взгляды скользили мимо – с большого книжного магазина по одну сторону на музыкальный магазин по другую; казалось, «Дырявый котел» они просто не видят. Гарри показалось, что лишь они с Огридом и видят этот паб. Но не успел он ничего сказать, как Огрид уже провел его внутрь.

В знаменитом заведении было на редкость темно и убого. В углу сидели старухи – они потягивали херес из крохотных стаканчиков. Одна курила длинную трубку. Низенький мужчина в цилиндре разговаривал со стариком барменом – лысым и похожим на беззубый грецкий орех. Когда они вошли, тихий гул голосов стих. Огрида, похоже, тут знали; ему замахали и заулыбались, а бармен потянулся за стаканом, спросив:

– Как обычно, Огрид?

– Не могу, Том, дела «Хогварца», – объяснил Огрид и хлопнул Гарри по плечу. У того подогнулись колени.

– Бог ты мой, – воскликнул бармен, глядя в Гарри, – это же... Возможно ли?..

В «Дырявом котле» вдруг воцарилась полная тишина.

– Храни мою душу, – прошептал старик. – Гарри Поттер... какая честь. – Он торопливо обогнул барную стойку, бросился к Гарри и со слезами на глазах схватил его за руку. – С возвращением, мистер Поттер, с возвращением.

Гарри не знал, что сказать. Все смотрели на него. Старуха с трубкой старательно затягивалась, хотя трубка уже погасла. Огрид сиял.

Вдруг шумно задвигались стулья, и через секунду Гарри жал руки уже всем подряд.

– Дорис Крокфорд, мистер Поттер! Просто не верю, что наконец вижу вас собственными глазами!

– Горжусь встречей, мистер Поттер, чрезвычайно горжусь.

– Всегда мечтала пожать вам руку – я вся в волнении.

– Я в восторге, мистер Поттер, просто не могу передать... Диггл меня зовут, Дедал Диггл.

– Я вас как-то видел! – вспомнил Гарри, когда у Дедала Диггла от восторга свалился цилиндр. – Вы мне однажды поклонились в магазине.

– Помнит! – возликовал Дедал Диггл, обращаясь ко всем одновременно. – Вы слышали? Он меня помнит!

Гарри неустанно пожимал руки – Дорис Крокфорд вставала в очередь снова и снова.

Вперед пробрался бледный молодой человек, очень нервный. Один глаз у него постоянно дергался.

– Профессор Страунс! – приветствовал Огрид. – Гарри, профессор Страунс будет преподавать у тебя в «Хогварце».

– П-поттер, – заикаясь, произнес профессор Страунс, хватая Гарри за руку. – Н-не могу п-передать, до ч-чего с-счастлив, что м-мне д-д-д-довелось в-вас в-в-встретить.

– А что вы преподаете, профессор Страунс?

– З-защиту от с-сил з-з-зла, – признался профессор Страунс тихо, словно не желал об этом и думать. – Н-но в-вам же это н-не п-понадобится, да, П-поттер? – Он нервно рассмеялся. – Идете п-покупать в-все д-для школы, п-полагаю? А я – п-поискать н-новую книгу п-про в-вампи-ров. – Казалось, самая мысль о вампирах вызывает у него нервные колики.

Но другие желающие пообщаться со знаменитостью оттеснили профессора Страунса и еще минут десять выражали Гарри свое восхищение. Наконец Огриду удалось перекричать гвалт:

– Нам пора – куча дел! Пошли, Гарри.

Дорис Крокфорд в последний раз пожала Гарри руку, и Гарри с Огридом через заднюю дверь паба вышли в небольшой, обнесенный стенами дворик. Там стоял мусорный бак и росли чахлые сорняки.

Огрид улыбнулся Гарри:

– Что я тебе говорил? Ты знаменитость. Профессор Страунс аж задрожал, как увидел тебя... Правда, если честно, он вечно дрожит.

– Он всегда такой нервный?

– Ага. Несчастный малый. Умный – страсть! И все шло хорошо, пока он учил по книжкам, а потом уехал на год повидать мир... И, говорят, встретил в Чернолесье вампиров, да плюс еще какая-то темная история с ведьмой... В общем, с тех пор сам не свой. Боится учеников, боится даже собственного предмета... Так, а где мой зонтик?

Вампиры? Ведьма? У Гарри голова шла кругом. Огрид меж тем считал кирпичи в стене над мусорным баком.

– Три вверх... Два вбок... – бормотал он. – Так, отойди-ка подальше, Гарри.

И он трижды постучал по стене острием зонтика.

Кирпич задрожал... заюлил на месте... в центре образовалось отверстие... оно росло, росло... и через секунду перед ними образовалась арка, сквозь которую даже Огрид смог пройти на мощеную улицу, извилисто уходившую вдаль.

– Добро пожаловать, – сказал Огрид, – на Диагон-аллею.

И ухмыльнулся изумлению Гарри. Они прошли в арку, Гарри быстро оглянулся и увидел, как проем вновь превращается в твердь стены.

Солнце ярко сверкало на стенках котлов, выставленных у ближайшего магазина. «Котлы – Все размеры – Латунные, медные, оловянные, серебряные – Самомесы – Складные», – гласила вывеска.

– Ага, это тебе нужно, – проговорил Огрид, – но сперва – за деньжатами.

Гарри жалел, что у него не десять пар глаз. Они шли по улице, и он вертел головой, стараясь увидеть все сразу: лавки, товары перед ними, покупателей. У аптеки он услышал, как полная дама говорит, покачивая головой:

– Печень дракона по семнадцать сиклей за унцию! С ума они посходили...

Из недр темного магазина под вывеской «Совиные Эмпирей Лупоглаза – совы неясны, сипухи, бурые иглоногие, полярные» несло глухое низкое уханье. Несколько мальчишек, сверстники Гарри, стояли, прижав носы к витрине с метлами. Один говорил:

– Гляньте! «Нимбус-2000» – последняя модель, самая скоростная...

На Диагон-аллее торговали мантиями и плащами, телескопами и странными серебряными инструментами, каких Гарри никогда раньше не видел, в витринах стояли бочки с селезенкой летучей мыши и глазами угря, виселись шаткие башни книг с заклинаниями, лежали гусиные перья, пергаментные свитки, виднелись склянки снадобий, лунные глобусы...

– «Гринготтс», – провозгласил Огрид.

Они подошли к снежно-белому зданию, возвышавшемуся над соседними лавками. У начищенных до блеска бронзовых дверей в пурпурно-золотой ливрее стоял...

– Ага, это гоблин, – кивнул Огрид, когда они направились к нему по белым ступеням.

Гоблин был примерно на голову ниже Гарри. Смуглое умное лицо, острая борода и очень длинные пальцы и ступни. Когда Огрид и Гарри входили, гоблин поклонился. Теперь они оказались перед внутренними дверями, на сей раз – серебряными, и на створках были выгравированы следующие слова:

Восшествуй, незнакомец, но прими в расчет:
Того, кто алчностью грешит, возмездье ждет,
Богатство без труда ты хочешь получить –
Недешево за то придется заплатить.
Сокровище, что в подземелье мирно спит,
Тебе, помни, не принадлежит,
Вор, трепещи! И знай, что кроме клада
Найдешь там то, чего тебе не надо.

– Я ж говорю, сюда только полоумный сунется, – заметил Огрид.

Двое гоблинов поклонились им у серебряных дверей – и Гарри с Огридом очутились в огромном мраморном зале. За длинной стойкой на высоких табуретах сидело около сотни гоблинов: они царапали что-то в grossбухах, взвешивали монеты на медных весах, изучали драгоценные камни через очки. Из зала в разные стороны вело несметное множество дверей, и возле них несметное же множество гоблинов деловито встречало и провожало клиентов. Огрид и Гарри подошли к стойке.

– Здравствуйте, – сказал Огрид свободному гоблину. – Мы за деньгами из сейфа мистера Гарри Поттера.

– У вас есть его ключ, сэр?

– Где-то был. – Огрид начал выгружать содержимое карманов прямо на стойку и тут же засыпал гроссбух плесневелыми собачьими галетами. Гоблин поморщился. Гарри же смотрел, как другой гоблин, справа, взвешивает гору рубинов, огромных, как тлеющие угли. – Вот он, туточки! – Огрид торжествующе показал крохотный золотой ключик.

Гоблин внимательно его осмотрел.

– Кажется, соответствует нормативу.

– У меня еще письмо от профессора Думбльдора. – Огрид с важностью приосанился. – Насчет Сами-Знаете-Чего в ячейке семьсот тринадцать.

Гоблин внимательно прочел письмо.

– Очень хорошо, – кивнул он, возвращая письмо Огриду. – Вас проводят вниз в хранилище. Цапкрюк!

Цапкрюк тоже был гоблин. Огрид снова распахнул по карманам галеты, и они с Гарри вслед за Цапкрюком направились к какой-то двери.

– А что такое Сами-Знаете-Что в ячейке семьсот тринадцать? – спросил Гарри.

– Не могу тебе сказать, – с загадочным видом ответил Огрид. – Сверхсекретно. Дела «Хогварца». Думбльдор мне доверил. Не мое право тебе рассказывать.

Цапкрюк распахнул перед ними дверь. Гарри ожидал снова увидеть мраморный зал – и удивился: они попали в узкий каменный коридор, освещенный пылающими факелами. Коридор довольно круто уходил вниз, а по полу были проложены узкие рельсы. Цапкрюк свистнул, и на его зов, погромыхая на стыках, явилась тележка. Они забрались в нее – Огриду это оказалось непросто – и отправились в путь.

Поначалу они просто мчались по лабиринту извилистых коридоров. Гарри пробовал запоминать дорогу: налево, направо, направо, налево, в центр развилки, направо, налево, – но это было невозможно. Дребезжащая тележка, похоже, сама знала, куда ехать: Цапкрюк ею не управлял.

Бьющий навстречу холодный воздух резал глаза, но Гарри их упорно не закрывал. Один раз ему почудился в глубине коридора сноп пламени, и он обернулся – не дракон ли там, – но было поздно. Они спускались все глубже под землю и ехали теперь мимо озера, где снизу и сверху росли сталактиты и сталагмиты.

– Так и не знаю, – крикнул Гарри Огриду сквозь грохот тележки, – кто из них сталактит, а кто – сталагмит?

– Сталагмит – это у которого «м», – ответил Огрид. – И не спрашивай больше ничего, а то меня стошнит.

Он и правда позеленел. Когда тележка наконец остановилась у дверцы в стене, ему пришлось опереться о стену, чтобы перестали дрожать колени.

Цапкрюк отпер дверцу. Оттуда вырвались клубы зеленого дыма. Едва тот рассеялся, Гарри ахнул. Внутри лежали горы золотых монет. Стояли колонны серебряных. Валялись груды маленьких бронзовых кнудов.

– Все твое, – улыбнулся Огрид.

Все его – потрясающе! Дурслеи, надо полагать, ничего об этом не знали, не то прибрали бы к рукам в мгновение ока. Они ведь постоянно жаловались, что Гарри им дорого обходится. А оказывается, все это время он, сам того не подозревая, владел целым состоянием, спрятанным глубоко под Лондоном.

Огрид помог Гарри уложить деньги в сумку.

– Золотые – это галлеоны, – объяснил он. – В одном галлеоне семнадцать серебряных сиклей, в одном сикле – двадцать девять кнудов. Ничего сложного. Вот, этого на пару семестров хватит, а остальные пусть лежат здесь, целее будут. – Он повернулся к Цапкрюку. – А теперь, будь другом, к ячейке номер семьсот тринадцать, и не гони так, а?

– Скорость только одна, – отрезал Цапкрюк.

Они помчались еще дальше вглубь, набирая скорость. Все холоднее становилось, все сильнее швыряло тележку на крутых поворотах. С грохотом пронеслись над подземным ущельем, и Гарри перевесился через бортик посмотреть, что внизу, но Огрид страдальчески застонал и за шиворот втащил его обратно.

У ячейки семьсот тринадцать не было замочной скважины.

– Станьте в сторонку, – важно велел Цапкрюк. Он легонько провел длинным ногтем по дверце, и та растаяла. – Если так сделает чужой, его утянет внутрь и он окажется в заточении, – пояснил Цапкрюк.

– И часто вы проверяете, нет ли кого внутри? – спросил Гарри.

– Примерно раз в десять лет, – ответил Цапкрюк с весьма неприятной ухмылкой.

Наверняка в столь секретной ячейке хранится нечто суперважное. Гарри с любопытством подался вперед, ожидая увидеть по меньшей мере груды алмазов, но в ячейке – по крайней мере, на первый взгляд – ничего не было. Потом он заметил на полу небольшой грязноватый сверток в коричневой бумаге. Огрид подхватил его и спрятал куда-то под плащ. Гарри очень хотелось узнать, что же в свертке, но он сдержал любопытство.

– Ну что, назад в адскую громышалку? И не разговаривай со мной по дороге – мне лучше пасть не открывать, – сказал Огрид.

Кое-как пережив ужасы обратной дороги, они вновь стояли за дверями «Гринготтса», щурясь на ярком солнце. Гарри не знал, куда и бежать, раз у него в сумке полно денег. Ему не требовалось знать, каков обменный курс галлеона к фунту, он и так понимал: у него в жизни не бывало столько денег – даже Дудли столько и не снилось никогда.

– Надо б тебе форму спроворить. – Огрид мотнул головой в сторону «Мадам Малкин – Мантии на все случаи жизни». – Слушай, Гарри, ты не против, если я заскочу в «Дырявый котел»? А то взбодриться бы. Терпеть не могу эти проклятые банковские тележки.

Он и впрямь выглядел бледно, поэтому Гарри, сильно волнуясь, отправился к мадам Малкин один.

Та оказалась приземистой улыбчивой ведьмой, одетой в розовато-лиловое.

– Идешь в «Хогварц», милый? – перебила она его невнятное лопотание. – Здесь все, что нужно, – и вот, кстати, еще один молодой человек на примере.

В глубине магазина на низкой табуретке стоял мальчик с бледным, острым лицом, а вторая ведьма подкалывала булавками подол его черной мантии. Мадам Малкин поставила Гарри на табурет рядом, надела ему через голову платье и начала укорачивать.

– Привет, – сказал мальчик. – Тоже в «Хог варц»?

– Да, – кивнул Гарри.

– Мой папа в соседнем магазине покупает учебники, а мама смотрит волшебные палочки на том конце улицы, – сообщил мальчик. Говорил он скучающе, манерно. – А потом я их потащу посмотреть гоночные метлы. Не понимаю, почему первоклассникам их не разрешают. Все-таки заставлю отца купить и уж как-нибудь протащу в школу.

Гарри отчетливо припомнился Дудли.

– А у *тебя* есть метла? – приставал мальчишка.

– Нет, – ответил Гарри.

– А в квидиш-то хоть играешь?

– Нет, – снова ответил Гарри, гадая, что это за штука такая, квидиш.

– А я играю. Папа говорит, преступно будет, если меня не выберут играть за мой колледж, и я, должен сказать, с ним согласен. Ты уже знаешь, в какой колледж идешь?

– Нет. – Гарри с каждой минутой чувствовал себя все глупее.

– Вообще-то никто точно не знает до последнего, но я уверен, что попаду в «Слизерин», у нас вся семья там училась... А ты только представь, каково попасть в «Хуффль пуфф»! Хоть из школы уходи, честное слово, как считаешь?

– Угу, – промямлил Гарри, сожалея, что не может сказать ничего поумнее.

– Ух ты, глянь на этого дядьку! – воскликнул вдруг мальчик, кивая на витрину.

За окном стоял Огрид. Он скалился во весь рот и вертел в руках два больших рожка мороженого, показывая, что войти не может.

– Это Огрид, – сказал довольный Гарри – он знал такое, о чем не осведомлен мальчишка. – Он работает в «Хогварце».

– А-а, – протянул мальчик, – я про него слышал. Он же там какой-то прислужник?

– Лесник, – поправил Гарри. Мальчишка с каждой секундой нравился ему все меньше.

– А, ну да. Какой-то *дикарь* – живет в хижине при школе, а временами напивается, начинает колдовать и в итоге поджигает собственную постель.

– А по-моему, он замечательный, – холодно возразил Гарри.

– Неужто? – произнес мальчик с презрительной усмешкой. – А почему он с тобой? Где твои родители?

– Умерли, – коротко ответил Гарри. Он не собирался обсуждать столь деликатную тему с этим воображалой.

– Какой ужас, – равнодушно сказал тот. – Но они были из *наших*, да?

– Они были ведьма и колдун, если ты об этом.

– Я думаю, не наших вообще принимать нельзя. Они же... не такие, не по-нашему воспитаны. Вообрази, некоторые даже про «Хогварц» не знают, пока не получают письмо. А по-моему, магию нельзя выпускать за пределы старых колдовских семей. Как, кстати, твоя фамилия?

Гарри не успел ответить. Мадам Малкин сказала:

– Вот и готово, милый, – и Гарри, нисколько не сожалея, что у него появился повод прекратить разговор, прыгнул с табурета.

– Полагаю, увидимся в «Хогварце», – сказал манерный мальчик.

Гарри ел мороженое, которое принес Огрид (малиново-шоколадное, с дроблеными орехами), и молчал.

– Что с тобой? – спросил Огрид.

– Ничего, – соврал Гарри.

Они зашли купить пергамент и перья. При виде чернил, меняющих цвет при письме, Гарри слегка повеселел. Выходя из магазина, он спросил:

– Огрид, а что такое квидиш?

– Ах ты ж, парень, я и запомнил, какая ты у нас темнота – про квидиш и то не в курсе!

– Не надо, мне и так плохо. – И Гарри рассказал Огриду про бледного мальчика в магазине мадам Малкин. – И еще он сказал, что детей из семей муглов вообще не следует принимать...

– Ты *не* из семьи муглов. Знал бы он, кто ты *есть*, – да он с пеленок про тебя слышал, раз у самого семья колдовская. Ты ж видал, чего творилось в «Дырявом котле». И вообще, чего он, козьяец, в таких делах смыслит! Сколько случаев знаю, когда у муглов вдруг родится колдун или ведьма, так они всегда – самые способные. Взять хоть твою маменьку! И сравнить с сестрицей? То-то.

– Так что такое квидиш?

– А это игра у нас такая спортивная. Ну, вроде как... футбол у муглов, все его смотрят. Играют в воздухе на метлах, и там еще четыре мяча... Короче, так сразу правил не объяснишь.

– А что такое «Слизерин» и «Хуффльпуфф»?

– Колледжи у нас в школе. Всего их четыре. Говорят, в «Хуффльпuffе» – одни тугодумы, но это...

– Тогда я точно окажусь в «Хуффльпuffе», – мрачно сказал Гарри.

– Лучше «Хуффльпuff», чем «Слизерин», – сурово заявил Огрид. – Все ведьмы и колдуны, которые пошли... по плохой дорожке, учились в «Слизерине». Да и Сам-Знаешь-Кто – тоже.

– Вольде... ой, то есть Сам-Знаешь-Кто учился в «Хогварце»?

– Давным-давно, – ответил Огрид.

Они купили учебники в магазине Завитуша и Клякца, где полки до самого потолка были уставлены книгами всех сортов – огромными, как плиты мостовой, переплетенными в дорогую кожу, и малюсенькими, размером с почтовую марку, обтянутыми шелком книгами, полными причудливых значков, а в нескольких вообще ничего не было. Даже Дудли, который сроду ничего не читал, отдал бы что угодно, лишь бы до некоторых дотронуться. Огрид силой уволок Гарри от справочника «Заклятия: как заморочить врагов и очаровать друзей. Современная порча: выпадение волос, ватные ноги, прилипание языка и многое, многое другое» профессора Мститтуса Вирусиана.

– Я хотел узнать, как проклясть Дудли.

– Мысль неплохая, да только в мире муглов колдовать нельзя, разве что в особенных случаях, – сказал Огрид. – И вообще, ты порчу навести не сможешь, тебе еще учиться и учиться.

Огрид не разрешил Гарри купить котел из чистого золота («Сказано – оловянный»), зато они приобрели очень симпатичные весы для зелий и складной латунный телескоп. Затем посетили аптеку, где было так интересно, что почти забывалось об ужасающем запахе: смеси тухлых яиц с гнилой капустой. На полу стояли бочки какой-то слизи; на полках вдоль стен громоздились банки с травами, сушеными корнями и разноцветными порошками; с потолка свисали пучки перьев, спутанные связки клыков и когтей. Пока Огрид просил человека за прилавком взвесить ему стандартный набор для зелий, Гарри внимательно рассматривал серебряные рога единорога по двадцать один галлеон за штуку и крохотные, блестяще-черные жучиные глазки (пять кнудов черпак).

Выйдя из аптеки, Огрид еще раз проверил список.

– Так, осталась палочка... Да, и еще подарок тебе с день-рождением.

Гарри почувствовал, что краснеет.

– Вам не обязательно...

– Яс'дело, не обязательно. А знаешь чего? Куплю-ка я тебе какую-нибудь животину. Только не жабу, жабы давно не в моде – над тобой, чего доброго, смеяться станут... А кошек я сам не жалую, чихаю от них. Куплю-ка я тебе сову. Все дети хотят сову, да и польза от них – почту носят и все такое.

Через двадцать минут они уже покидали «Совиные Эмпирей Лупоглааза», где было темно, шелестели крылья и алмазно сверкали живые, яркие глазки. Гарри бережно нес большую клетку с красивой белоснежной совой, которая крепко спала, засунув голову под крыло. Гарри, заикаясь, непрестанно благодарил Огрида, сам себе напоминая профессора Страунса.

– Перестань, – резковато махал рукой Огрид. – Дурслеи ведь навряд ли тебе чего-то подарят. Ну все, теперь к Олливандеру! Только там хорошие волшебные палочки, а тебе нужна лучшая.

Волшебная палочка... вот о чем Гарри по-настоящему мечтал.

Магазинчик был тесный и какой-то захудалый. Золото на вывеске облупилось. А глазница: «Олливандеры: изготовители лучших волшебных палочек с 382 г. до н. э.». В витрине на выцветшей фиолетовой подушке лежала одна-единственная палочка.

Когда они переступили порог, где-то в глубине звякнул колокольчик. Внутри магазинчик оказался крошечный и пустой, если не считать рахитичного стульчика, на который Огрид тотчас и уселся ждать. Странное дело, Гарри чувствовал себя как в библиотеке с очень строгими правилами; проглотив тысячу пришедших на ум вопросов, он молча смотрел на длинные узкие коробки, штабелями сложенные вдоль стен. Почему-то по спине бежали мурашки. Здесь, казалось, сама пыль и таинственная тишина излучают некое тайное волшебство.

– Добрый день, – произнес тихий голос.

Гарри подскочил. Огрид, вероятно, тоже, потому что раздался громкий треск и великан поспешно отошел от стула.

Перед ними стоял пожилой человек, и его большие бледные глаза светились во мраке магазина, словно две полные луны.

– Здрасьте, – неловко поздоровался Гарри.

– О, разумеется, – сказал человек. – Разумеется. Я предполагал, что вскоре вас увижу. Гарри Поттер. – Это не был вопрос. – У вас глаза вашей матушки. Кажется, только вчера она сама была здесь, покупала свою первую волшебную палочку. Ивовая, десять с четвертью, хлесткая. Чудесная палочка для чудо-работы.

Мистер Олливандер подошел ближе. Хоть бы моргнул, подумал Гарри, а то от взгляда этих серебристых глаз прямо мурашки по телу.

– Ваш батюшка в свою очередь предпочел палочку красного дерева. Одиннадцать дюймов. Пластичная. Помощнее и великолепно подходит для превращений. Я сказал, что ее предпочел ваш батюшка, хотя на самом-то деле, разумеется, выбирает палочка.

Мистер Олливандер подошел так близко, что они с Гарри оказались практически нос к носу. Гарри видел себя в его дымчатых глазах.

– А вот сюда, стало быть... – Длинным белым пальцем мистер Олливандер коснулся зигзагообразного шрама. – С огорчением вынужден признать, что палочку, осмелившуюся сотворить такое, продал я, – тихо пробормотал он. – Тринадцать с половиной дюймов. Тис... Мощная, очень мощная, к тому же в дурных руках... Знать бы, что она выйдет в мир, дабы... – Он покачал головой, но тут, к облегчению Гарри, заметил Огрида. – Рубеус! Рубеус Огрид! Рад видеть снова... дубовая шестнадцатидюймовка, довольно податливая, так?

– Точно так, сэр, – подтвердил Огрид.

– Хорошая была. Но ее, полагаю, сломали пополам, когда тебя исключили? – вдруг посуровел мистер Олливандер.

– Э-э... сломали, сэр, – сказал Огрид, беспокойно переминаясь с ноги на ногу. – Половинки, правда, у меня остались, – радостно добавил он.

– Но ты ими *не пользуешься*? – строго спросил мистер Олливандер.

– Что вы, сэр, – быстро ответил Огрид. Гарри, правда, заметил, что с этими словами он уж очень крепко вцепился в свой розовый зонтик.

– Хм, – произнес мистер Олливандер, пронизывая Огрида взглядом. – Ну что ж. А теперь – мистер Поттер. Дайте-ка взглянуть. – Он вытащил из кармана мерную ленту с серебряными насечками. – Какая рука рабочая?

– Я... правша, – сказал Гарри.

– Вытяните руку. Вот так. – Олливандер измерил руку от плеча до пальцев, затем от запястья до локтя, от плеча до пола, от колена до подмышки, а также окружность головы. При этих манипуляциях он рассказывал: – В каждой олливандеровской волшебной палочке сокрыта мощнейшая магическая субстанция, мистер Поттер. Для сердцевин мы берем волос единорога, перья из хвоста феникса и сердечные жилы дракона. Все олливандеровские палочки разные, потому что не бывает двух абсолютно одинаковых единорогов или фениксов. И разумеется, нельзя достичь эффективного результата, пользуясь чужой палочкой.

Гарри вдруг понял, что лента, измеряющая расстояние между его ноздрями, делает это сама по себе. Мистер Олливандер ходил вдоль полок и снимал коробки.

– Хватит, – бросил он, и лента свернулась в клубок на полу. – Итак, мистер Поттер, попробуйте эту. Бук и сердечная жила дракона. Девять дюймов. Хорошая, нежесткая. Возьмите и взмахните.

Гарри взял и, чувствуя себя глупо, взмахнул, но мистер Олливандер почти сразу отобрал палочку и заменил на другую:

– Клен и перо феникса. Семь дюймов. Хлесткая. Пробуйте...

Гарри попробовал, но не успел даже взмахнуть, как мистер Олливандер выхватил и ее:

– Нет-нет... Вот, черное дерево и волос единорога, восемь с половиной, пружинистая. Давайте, давайте.

Гарри пробовал. И пробовал. Он не имел ни малейшего представления, чего добивается мистер Олливандер. Гора отвергнутых палочек на рахитичном стульчике росла, но чем больше товара снималось с полок, тем счастливее становился мистер Олливандер.

– Покупатель с запросами, да? Не беспокойтесь, где-то здесь вас дожидается ваша единственная, и мы найдем ее... найдем... Так, интересно... А почему бы и нет... Необычное сочетание: остролист и перо феникса, одиннадцать дюймов, приятная, послушная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.